

ВЕРНУВШАЯ ШИПЫ

КАТЯ ГЕРС

18+

Катя Герс

Вернувшая шипы

<https://litres.ru/74098183>

SelfPub; 2026

Аннотация

Годы свободы Розеллы Арьян оборвались так же внезапно, как и начались. Вынужденная покинуть эльфийские земли, она возвращается к жизни, от которой так долго бежала. Здесь родовая магия не защитит ни от чудовищ, ни от нежеланного замужества. Чтобы выжить, ей придется сразиться не только с внешними врагами, но и с собственными страхами. Найти своё место в мире совсем не просто, особенно если жаждущий мести монстр куда ближе, чем кажется.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Зелёное королевство	6
Глава 2. Корни	21
Глава 3. Красная роза	43
Глава 4. Колос	68
Глава 5. Амбистома	88
Глава 6. Дэлио	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Катя Герс

Вернувшая шипы

Пролог

— Кто сотворил с тобой такое?

Старая колдунья исподлобья взглянула на черноволосого, бледного одорукого юношу. Глаза его были наполнены кровью.

Таких, как он, женщина не видела много лет.

— Человек.

— Лжец, — пригрозила она ножом, направленным на ле-

жашие на столе глаза. — Не обладает человек такой силой.

— Я был слишком слаб.

— Насколько слаб?

— На пять сотен лет.

Это объясняло многое. Старуха убрала нож.

— Так что ты хочешь взамен? — точно умоляюще спросил юноша. — Пока я не богат, но как только поможешь...

— Душа. Больше не будешь смотреть на мир, как прежде.

— Согласен.

— Так просто?

— Для задуманного душа не нужна.

Прежде женщина никогда не слышала, чтобы кто-то соглашался так быстро. Ведь те, кто разыскивал её даже сотни лет, как и этот калека, всегда вздрагивали от услышанного.

— Знаешь, какая боль ждет тебя?

— Не большая, чем разбитое сердце.

— Как миллион разбитых сердец. Я вырву твою душу. Ни света, ни любви. Только одержимость.

Пусть юноша храбрился, — скоро стены хижины стали единственным, что мешало кому-либо услышать ужасающий, сводящий с ума крик. И его душа исчезла.

Глава 1. Зелёное королевство

Розелла Арьян часто раздумывала о том, почему её отправили на службу именно в эльфийское королевство. Род её, как и весь Семнотис¹, точно следуя воле короля, часто выражал негодование своим подавляющим людским меньшинством. В столь обособленном от эльфийского мира государстве магию жаловали лишь в редких и крайне полезных случаях, тем самым будто отвергая все принятые и совершенно обыденные для населения Тельваура²устои.

Долгое время она мечтала о службе в Ладрате, такой же вольной и сумасбродной, как и она сама. Помнится, ещё совсем девчонкой по нелепой случайности чуть не покинула родные края на отбывающем заморском корабле, когда, забывшись и заигравшись, заматывалась с дочерью ладратийского купца в яркие нераспроданные ткани, красоты коих она ранее и не могла вообразить. Они рассматривали иллюстрации книг, тайком примеряли громоздкие драгоценности из сундуков...

Будучи найденной разъярённым и перепуганным отцом перед самым отправлением корабля, не успев покинуть волшебную каюту, она схватила несколько крепких тумачков.

¹ Семнотис – людское государство на северо-востоке Тельваура.

² Тельваур – магический мир, преимущественно заселенный эльфами.

Имей Габбас с собой розги, он бы умерил свой пыл и ими, но привычному инструменту по укрощению или же, вернее говоря, запугиванию детей пришлось ждать своего часа, пусть и совсем недолго.

Той ночью, с большим трудом выбрав удобное положение для сна, юная Розелла видела, как полюбившаяся ткань превратилась в пышное зелёное платье, как влажные от слёз локоны превратились в замудрённую высокую причёску, кою носила принцесса из книжки, а кольцо, ранее спадавшее даже с большого пальца, неожиданно стало впору. И она запрещала глазам открываться до самого полудня, чтобы исцеляющий душу образ не смел развеиваться.

Роза не знала, почему вдруг спустя почти десять лет вспомнила этот сон. Возможно, рассматривая наконец полученный от ювелира перстень, предалась старым воспоминаниям. Нежно поглаживая ребристый камушек, она не заметила, как почувствовала лёгкое похлопывание по плечу. Воспоминания тут же развеялись.

— Извините, но вы не откликались, — немного растерянно произнесла одна из служанок дворца. Эльфийка, как и, пожалуй, практически все представительницы своего рода, была выше Розы минимум на две головы. — Вам прислали письмо. Вороном.

Сердце девушки пропустило удар. Здесь, в Драйдарисе, использовали белых почтовых голубей или ласточек, но чаще и вовсе заколдовывали пергамент. Зато на её родине во-

роны, порой и говорящие, были одним из немногих способов отправить послания в дальние края.

Она не ожидала получить письмо так скоро. Обычно оно приходило в начале месяца и начиналось с отчёта о том, что часть жалования Розы успешно доставлена корабельщиком. Затем родители сообщали о своём здравии, состоянии поместья, настроении в королевстве, известиях о брате (хотя тот всегда отдельно посылал собственное письмо), а уже потом спрашивали о делах дочери. Её же письма, не изменяя традиции, начинались с отправленной суммы, дабы Арьяны были уверены, что корабельщик не взял лишнего.

До конца месяца оставалось больше недели, но девушка поспешила списать столь раннюю посылку на то, что обоим судам удалось прибыть раньше назначенного срока. Изредка, но такое случалось.

Эти письма, пусть всегда такие сухие и напоминающие новостную сводку, были единственным напоминанием о родных землях.

Розе исполнилось девять, когда она увидела прибывшую буквально на день в Семнотис эльфийскую королевскую чету. Тогда девочка не понимала, чем привлекла внимание длинноухой королевы со светящимися светло-карими глазами, но сейчас знала, что Эония сразу заметила её красную шевелюру в толпе прочей ребятни. Хотя оттенок её волос был немногим темнее, чем у отца и брата, — ближе к багряному, чем к алому.

У многих родов Тельваура были отличительные черты. Родовая магия, приметы, амулеты... Арьянам же (точнее, некоторым из их представителей) достался выдающийся цвет волос и, как любили шутить знакомые, такой же взрывной нрав. Королева Эония узнала об этой семье более двух сотен лет назад, когда сдружилась с давно покойной Розалиндой Арьян, служившей ей фрейлиной. Дошедшие слухи о больших финансовых трудностях семьи поселили в голове эльфийки мысли о возможности очередной службы, пусть и недолговечной.

Узнав о сумме жалования, Габбас и Элеонор особо не припирались. Так Розелла оказалась в крупнейшем королевстве мира в качестве подруги короны и кормилицы семьи.

И Роза вновь задумалась о том, почему она оказалась именно в Драйдарисе. Мода отправлять девочек, пусть даже и благородных, во служение крупным домам была не так редка. Было ли дело только в богатстве? Скорее, как в один день осознала Роза, причиной было стремление родителей не упустить ещё большее богатство в будущем. Весьма прагматично, как ни посуди.

Отправь дочь в любое другое людское королевство, Арьяны рисковали получить, не приведи Создательница, чужеземного зятя, что заставит их чадо покинуть родные земли навсегда. А, как было известно, союзы эльфов и людей, точно по наставлению той же Создательницы, были невероятно редки. Родители её лишь хотели найти способ побороть фи-

нансовые трудности, пусть и временный, но надёжный. Они знали, что со столь мирными и чистыми существами сурпризов ждать не придётся.

Знала это и Роза, однако продолжала тешить себя мыслью, что у неё ещё будет время найти столь весомый повод не возвращаться домой. Может, именно сегодня, когда дворец впервые за долгие годы принимает такое обилие незельфийских представителей, судьба улыбнётся ей? Может, род её, которому она молилась всю прошедшую неделю, не окажется в стороне?

Неизвестно, было ли дело в присутствии среди гостей нескольких хитрецов в виде сильных магов, но этой ночью некогда тихий дворец поддался сладостному искушению, и музыка и вино лились отовсюду. Даже самые благодетельные персоны выглядели излишне весёлыми, а некоторые ранее тихие парочки и вовсе были замечены по тёмным углам в жарких объятиях друг друга.

Голова шла кругом то ли от окружающего гама, то ли незнакомого эльфа, танцевавшего с ней две партии подряд, необходимости высоко задирать голову, чтобы держать зрительный контакт, или трёх чаш привезённого гостями вина. Пожалуй, дело было именно в танце.

Переводя дыхание, Роза прислонилась спиной к обвитой плющом мраморной колонне. Стараясь не выдавать возникшее любопытство, девушка искоса взглянула на двух принимаемых дворцом гостей. Этих молодых колдуний, в отличие

от других явившихся после пребывания в Людском мире путешественников, Роза видела около пяти лет назад. За это время ни одна из девушек не обзавелась и морщинкой. Замедленное старение — роскошь, которой Арьян, как и другие обычные люди, всегда была обделена.

— То есть вы в самом деле... — полушёпотом говорила одна из колдуний, намеренно прикрывая рот веером. — И как он?

Её собеседница прикусила нижнюю губу и точно так же спряталась за веером:

— Не знаю, все ли вампиры такие, но спать с магами я точно больше не стану. Я достигала пика все четыре раза, и, если бы совсем не лишилась сил, он бы не остановился.

— И что же дальше?

— Свобода. Благо, в этом мы с ним совсем схожи. Привязываться к кому-то... Нет, я ещё не готова!

Роза вспыхнула, слившись с цветом волос. Чуть не выронив кубок, она поспешила поставить его на стол и так же поспешно отойти в сторону, но затем одёрнула себя. Её сжигало любопытство. Во дворец Драйдариса прибыли трое вампиров, так кто же из них был столь хорош?

Один из них увлечённо общался с эльфийским принцем, так что вряд ли колдуньи опасались, что именно он прочтёт их слова по губам.

Другой стоял совсем близко и услышал бы диалог, даже если бы являлся человеком, как и Роза. Точнее говоря, он и

так услышал каждое сказанное колдуньями слово.

Оставался лишь один...

Роза изучающе обвела глазами залу, а затем на её устах заиграла таинственная ухмылка.

Впервые она увидела Эрнеста Джифольди ранним утром, когда, как подобает фрейлине, стояла позади королевы, пока та вместе с принцем встречала гостей на подходе к дворцу. Так и не привыкнув к необходимости ранних пробуждений, Роза с трудом держала глаза открытыми, глубоко вдыхала утреннюю прохладу, умоляя ту не дать ей упасть в грязь лицом.

Девушка сильно выделялась на фоне прочих фрейлин-эльфик, как и мужчина не был похож на вампиров, кои были обыденно нездорово бледны и отличались пугающей, даже немного хищной красотой.

Красота Эрнеста, в свою очередь, имела нотки мягкости и странного непривычного тепла. Виной тому были добрые тёмно-зелёные глаза или еле заметный оливковый оттенок кожи. Цвета чёрного кофе волосы неуверенно, но заявляли о желании жить своим умом, и лёгкие завитки, чуть прикрывающие уши, любили падать вампиру на лицо.

И подобная, назовём её «людская», живость прочим вампирам была совершенно недоступна. Ведь Эрнест Джифольди оставался одним из последних, кто был рождён, а не обращён. Это придавало гостю особый статус.

Ещё при первой встрече Роза распознала во взгляде вам-

пира загадочную заинтересованность, а теперь и сама одарила его персону подобным взглядом.

Мужчина, что стоял на противоположной стороне залы в окружении нескольких эльфийских лордов и делал крайне увлечённый беседой вид, медленно потянул к губам кубок, в ответ не отрывая от Розеллы взгляда. Он внимательно рассматривал её худое, точно не знавшее солнца лицо, хитрые тёмно-карие глаза, изогнутые в полуулыбке пухлые, местами покусанные губы и предположил, что ещё один укус точно бы их не испортил. Но затем, ощутив лёгкий укол совести, поспешил выразить интерес к беседе не только видом, но и делом.

Роза отвела взгляд в ответ, но за остаток вечера то ли осознанно, то ли нет ещё не раз выискивала среди высоких эльфийских спин кого-то не столь громадного, но вполне эльфийски привлекательного. И боролась с улыбкой, когда в очередной раз задумывалась, а не высматривают ли её в ответ.

И улыбка эта стала ещё шире, когда прямо перед самым выходом из залы Роза увидела, что он всё-таки смотрел...

Пританцовывая и что-то напевая себе под нос, девушка добралась до своих покоев. Делая вид, что совсем не замечает сидевшего на столе чёрного ворона, она упала на кровать и мечтательно вздохнула.

— А я ведь красивая, да? Может, не как эльфийки, но красивая... — щёки её густо покраснели.

— *Срочно*, — первое слово на семнотинском, услышанное за много лет.

— *Сумрак?*

Отец прежде не отправлял к ней этого ворона. Помимо голоса, он отличался скоростью и разумом, и Габбас любил его не меньше собственных детей. Это был единственный ворон, которого мужчина научил говорить, пусть и в Семнотисе подобное не было невозможным.

— *Срочно*, — продолжал ворон, широко раскрывая клюв. В лапе птицы был привязан маленький свёрток. Птица то и дело качала головой вниз, вызывая к Розе, но та не реагировала. Лишь смотрела на ворона остекленевшим взглядом.

— *Срочно*.

— *Почему?* — собственный акцент неприятно резанул ухо. Голос её задрожал.

Птица молчала.

— *Отец здоров?*

— *Да*.

— *Мать?*

— *Да*.

— *Братец?*

— *Глупец*.

— Сын своего отца, — выпалила она на всеобщем. — *Я не буду читать!*

Роза, чуть не запутавшись в полах платья, подбежала к окну и захлопнула стеклянные ставни.

«Путь через Акулю пасть беспокойный, ворон мог попасть в шторм. На подлёте к Драйдарису его ждала свора голодных чудовищ, затаившихся в лесах. Ворон был истощён, стал лёгкой пищей и не смог отбиться! А даже если и смог, то потерял лапу в жесточайшей схватке», — думала она.

— *Срочно! Срочно!* — не унимался Сумрак.

«Поверит ли отец?»

— Не буду читать.

Ворон то ли понял чужеземную речь, то ли прочёл омерзительные мысли. Со скоростью ястреба он оказался на плече вскрикнувшей от испуга девушки и широко раскрыл клюв, угрожая в ответ. Когти его болезненно впились в плечо, а очередное последующее «срочно» прозвучало небывало пугающе-гортанно.

Да, этот ворон определённо был сыном своего отца.

Как можно сильнее отклонив голову, Роза осторожно отцепила бумажную трубку от лапы ворона. А Сумрак, в свою очередь, опускал клюв всё ниже и ниже, не теряя лицо девушки из виду.

— *Теперь я понимаю, почему ты здесь.*

Слёзы покатались из глаз гораздо раньше того, как она прочла первые строки.

Теперь ворон смотрел на Розу в ожидании хотя бы одного её глотка воздуха, но лёгкие сжало камнем. Сердце грозило разорваться на тысячу частей, и лучше бы в самом деле разорвалось.

Девушка медленным шагом подошла к окну и выпустила птицу. Та быстро слилась с ночной мглой, выкрикивая победоносное: «Знает!»

С минуту Роза вглядывалась в высокие кусты под окнами. Затем задержала взгляд на широком плетёном ремешке, висевшем на спинке стула.

Но почему-то решила покинуть покои другим путём. Взгляд её, совершенно отрешённый, мельком проходил по тем, кто шёл навстречу. И те, кто видел её, тут же лишались улыбки.

Обеспокоенные возгласы эльфов оставались без ответа. А Роза продолжала идти, всё ближе подбираясь к крылу, в котором поселили гостей.

На лестничном пролёте она боролась с желанием случайно споткнуться, но всё равно не свернула с пути.

Первым взгляд её коснулся мага, еле стоявшего на ногах. Тот был так увлечён жалкой попыткой добраться до своих покоев, что даже не услышал небывало тяжёлый девичий шаг.

Подходить к нему ближе было бы не меньшим оскорблением, чем напоить его самолично, и Роза, фыркнув, отправилась на поиски того, кто ведал бы своими действиями. И долго ждать не пришлось. Стоило только развернуться — возникший точно из воздуха Эрнест Джифольди оказался прямо перед её носом.

Секундный испуг на мгновение отрезвил, но тёмные мыс-

ли тут же поспешили завладеть ситуацией.

— Подумал, что отправляться в путь, не познакомившись с вами лично, было бы преступлением.

— Покидаете нас так поспешно? Думала, вы задержитесь минимум на неделю.

— Причина та же, почему отсутствует король. Срочное прошение к Совету. Меня ждали ещё в прошлом месяце, — последнюю фразу мужчина промолвил с лёгкой долей неловкости.

Ненароком они шли ускоренным шагом, точно стараясь покинуть душасщие стены коридора.

— А вы, Розелла, как долго планируете здесь оставаться?

— Меня вам не представляли.

Улыбка вампира наполнилась нотками лукавства:

— Уверен, это королева обмолвилась о своей фрейлине.

— Или тот, кого вы сами спросили обо мне?

Они оказались на общем, но приятном пустующем в эту минуту балконе, что освещался небывало ярким лунным светом. И даже людское зрение Розы могло уловить, что вампир продолжает не сводить с неё взгляд.

— Может, я и в самом деле спросил у принца Лиганса... И только после того, как вы взглядом прожгли во мне дыру.

— В самом деле дыру? — Роза точно ненароком провела кончиками пальцев по его рукаву. — Я лишь отвечала на ваш пристальный взгляд.

— Значит, нам обоим нет смысла скрывать своего инте-

реса.

— Вне сомнений.

Невзирая на сказанные слова, вампир никак не ожидал, что Роза, поднявшись на носочки и потянув на себя ворот его камзола, поспешит примкнуть к его губам. Он опешил лишь на мгновение и сам не заметил, как его рука крепко обхватила девичью талию. А затем ответил на поначалу неловкий поцелуй с совершенно незнакомой для Розы жадностью.

От удивления из её уст вырвался слабый стон, быстро заглушившийся влажными причмокиваниями.

Девушке показалось, что все её проблемы вдруг испарились, что её столь отчаянный шаг перестал вызывать былую тревогу, что мысли, бившиеся в истерике, уходили всё дальше с каждым прикосновением прохладных губ. Пошла бы она на подобное, если бы не письмо? Определённо нет. Но хотела бы решиться на это? Рука, что не спрашивала разрешения, расстегнула верхнюю пуговицу мужской рубашки, тем самым отвечая на мучивший вопрос. Но правда была неизменной — желание не приравнивалось к решению.

Вдруг вампир ощутил, что затянувшаяся страсть приобрела неоправданно быстрый, даже отчаянный тон, и после просьбы Розы отправиться в более уединённое место Эрнест и вовсе поспешил отпрянуть.

Он всмотрелся в её полное замешательства лицо. Пресекая попытку вновь потянуться к его губам тем, что нежно обхватил лицо девушки ладонями, он тихо произнёс:

— Зачем вы это делаете? Вам ведь этого совсем не хочется...

Слёзы, так долго ожидавшие свободы, покатались по её щекам.

— Меня выдают замуж.

Глава 2. Корни

Как того столь недавно желала Роза, вампир оказался в её покоях. Более того, оба они удобно расположились на её постели. Однако в сей раз губы обоих примкнули к чашам со сладким вином, а руки боле не смели касаться друг друга.

— Это была ошибка, не стоило втягивать вас в это. Я лишь надеялась, что в таком случае мне больше будет нечего терять.

— Моей ошибкой было на миг позабыть ваше родовое имя, — спокойно ответил Эрнест. — Сколько бы Арьянов я ни знал, каждый находил, чем удивить.

— Вы знакомы с моей семьей? — искренне удивилась Роза.

— К моему сожалению, последний раз я навещал вас лет так четыреста назад. Время, оно... Не замечаешь, как утекает. Однако я застал становление вашей чудесной особенности.

Мужчина пропустил её локоны меж пальцев:

— Ваш прадед тоже удивил меня при первой встрече. Я имею в виду того, что десяток раз как прадед, Том.

Имя показалось Розелле удивительно простым для её семьи, которая так часто прибегала к древним языкам.

Она нервно усмехнулась:

— Надеюсь, он выбрал другой способ.

— Хотел убить меня, — как ни странно, вампир улыбнулся. — Всё для того, чтобы вернуться целым и невредимым к вашей прабабушке. Их любовь была так сильна, что он даже настоял на заключении «эльфийского» договора.

Поразительно, но эльфы, являющиеся по природе своей однолюбам, заключали брачные союзы. Те, пусть в свою очередь и могли быть легко разрушены, чаще всего действительно приводили к браку. Чем сильнее род, тем более могущественных он предпочитал союзников, чтобы обеспечить потомков опорой и защитой предков. Более того, большая часть таких союзов была предсказана во время родовых молебнов, когда семейству, в огне горящих свечей, являлся символ подходящего для союза рода. Этот брак будто заранее заключался в Райских землях, ведь ещё ни одна из семей, что увидела в священном пламени знак, не расторгла договор.

— Её род одобрил это? Показал прабабушке в огне розу? На минуту Эрнест задумался:

— Роза как раз-таки была символом вашей прабабушки. Девушка удивлённо вскинула брови:

— Хотите сказать, красные волосы пришли к Арьянам от другого семейства? И это дедушка взял наше родовое имя? От отца я слышала иную версию.

Эрнест усмехнулся:

— Не хочу разрушать ваши семейные легенды, но пред вами свидетель столь же древний, как и эта отличительная

черта. Прошла не одна сотня лет, так что это заблуждение совершенно неудивительно и не так страшно, как может показаться. Ведь закрепилось по итогу оно именно в вашем роду. Каждый знает, что любой красноволосый человек, в чьей родовой книге даже не упоминается ваше имя, рождён от Арьяна.

— Меня это не оскорбляет, — честно призналась Роза и лукаво улыбнулась. — Но другие Арьяны такого удара не перенесут. В любом случае, хоть кто-то из нас познал счастье. К сожалению, эта черта никому не передаётся.

— Ваши родители тоже не желали свадьбы?

Слышать этот вопрос было куда больнее, чем узнать правду об именной родовой черте.

— Как говорила матушка, они оба «быстро вразумили себя и смирились с неизбежным». Возможно, мои бабушка и дедушка были когда-то влюблены, но всё быстро сошло на нет, когда дед стал проигрывать имущество. Вы были в нашей розовой плантации, что зовут «Шиповой долиной»?

— Не говорите, что...

— Она перешла к семейству Луфетри. Забавно, что нас выкупили именно пчёлы.

Взгляд Эрнеста на мгновение стал совершенно пустым.

Только розы Арьянов, возвращённые за могучими холмами, могли выстоять среди жестоких ветров Семнотиса. На каждом празднике их семья делала целое состояние благодаря тому, что столь красивых цветов боле просто не оставалось.

Вампир вспоминал, как прогуливался меж колючих рядов под пекущим солнцем, как совершенно не боялся своей уязвимости в тот момент, будучи опьянённым сладким ароматом. Он вспоминал, как сын Тома и Ирис играл в этом чудном месте свадьбу, то, как счастлив был сам Том, и как могла бы быть счастлива Ирис, оставившая этот мир в совсем юные тридцать лет из-за продолжительной болезни. А после и уже внуки этих замечательных людей познавали, что игра в прятки в розовых кустах не так весела, как кажется.

— Свадьбы готовят месяцами, даже если всё трижды обговорено, — вымолвил вампир. — Я должен прибыть в Семнотис через несколько месяцев, клянусь, что разыщу вас. Одно лишь ваше слово, и я сделаю всё, чтобы помочь. Однако молю, не рубите с плеча.

— Я слышу это от того, кто должен был прибыть на Совет Кунгора в прошлом месяце. Даже на словах ваше благородство звучит не слишком убедительно. Однако вы мне ничем не обязаны.

— Роза...

— Хотя в одном вы правы — минутная вспышка гнева и отчаяния Арьяна оставляет после себя годовое чувство вины.

— Я обязан вашему роду тем, что он всегда был добр ко мне. Не скрывая свою сентиментальность, я буду надеяться, что вашей руки простит достойный человек. Но я в самом деле даю слово, что в ином случае вас не оставлю. И вы не

заставляйте ваших близких переживать вашу утрату.

— Брат этого не перенесёт.

— Тогда вам стоит хотя бы увидеться с ним. Прелестный юноша.

Роза догадывалась, где могло состояться знакомство Торна с Эрнестом Джифольди, но всё же решила уточнить:

— Вы видели его на Верховном Совете?

Вампир кивнул:

— Его блистательный ум и упорство выбили Семнотису торговый договор с Эфхендором на поставку шерсти. Даже я приеду к вам в Семнотис только благодаря ему. Посол Ледум наверняка присвоил заслуги себе, этот жук ничего не упустит, — Эрнест усмехнулся. — У вашего брата большое будущее.

— Я очень хочу его увидеть... — вымолвила она, однако через несколько секунд уголки губ вновь потянуло камнем вниз. — Но я увижусь и с отцом, который отрежет меня от рода, если сбегу. А род матери никогда не рискнёт сделаться для меня главенствующим после такого унижения. В таком случае вы станете помогать бесфамильной, изгнанной и опозоренной девушке? Не Розелле Арьян, а просто Розелле. Если мне, разумеется, разрешат оставить имя, столь излюбленное в нашей семье, и не обреют налысо.

Впервые за время разговора он внимательно взглянул в её глубокие тёмные глаза. Оба в этот момент поймали себя на мысли, что диалог этот совершенно не похож на тот, что слу-

чается между новыми знакомыми. Да и само их знакомство началось совершенно не с того, что считалось приемлемым в обществе.

При этом чувство неловкости или хотя бы смущения оставалось где-то на задворках, не смея приблизиться ни на шаг. Было ли дело в духовной близости их родов, всепоглощающем страхе за своё будущее или способности не слишком удивляться, выработанной за тысячелетия – никто не знал. Но оба продолжали смотреть друг на друга, то ли с вызовом, то ли со скрытой надеждой.

— Клянусь моим родовым поместьем, что не останусь в стороне, — заявил мужчина.

— Клянусь моим родовым именем, что боле не позволю ему затуманить разум. И пообещайте, что о сегодняшнем никто не узнает.

Вампир улыбнулся:

— Со своей стороны я гарантирую это. Но и вы постарайтесь не думать об этом во время родовой молебны, иначе ваш прадед вернётся из Райских земель по мою нечистую душу.

Тихая усмешка вырвалась из уст обоих.

— Но знайте Я не жалею о случившемся, — призналась Роза.

— В таком случае и мне не о чем жалеть.

Если разговор с Джифольди оказался удивительно лёгким, грядущим утром Роза отправилась в покои королевы скрепя сердце. Даже головная боль и лёгкое подташнивание

не вызывали такого отвращения, как необходимость вновь взять в руки злосчастное письмо.

Она видела, как лицо королевы искажается от смеси удивления и горечи, как принц, что стал свидетелем разговора, затаил дыхание. Роза знала, что относилась к ней королева чуть более снисходительно, чем к прочим фрейлинам. Те, в свою очередь, относились к этому неудивительно понимающе – каждый житель Тельваура знал, что люди не столь сильные и выносливы. Первые годы пребывания в Драйдарисе Роза искренне считала, что является для эльфов не больше, чем просто интересной для наблюдения зверушкой, что эти возвышенные существа в глубине своей чистой души никогда не примут её за равную себе.

Они действительно были не равны. Однако старательно выискивая подвох, Роза сталкивалась лишь с неудачей, пока не осознала, что на деле эльфийская природа видела в ней не менее прекрасное, пусть куда более подвластное времени существо, столь же непредсказуемое, как и нуждающееся в помощи и твёрдой почве под ногами. И осознав, насколько удивительная ей выпала возможность, Роза не позволяла самой себе ни на минуту усомниться в том, что она достойна столь высокой должности.

Роза привязалась к королевской семье Драйдариса больше, чем к своему роду. Её привычное утро начиналось с того, что почти сразу после пробуждения и всех сопутствующих гигиенических процедур она отправлялась в покои сво-

ей госпожи, помогала той с выбором и последующей примеркой наряда на день. В случае запланированных мероприятий этим же утром подбирались и прочие образы, если они не были заготовлены заранее. Помимо этого, Роза занималась сбором и сортировкой приходящей корреспонденции по степени её важности. Не имела доступа она лишь к письмам от верховного Совета, и просто передавала их Величествам запечатанный конверт. Такой они получили несколько месяцев назад.

Сопровождение королевы на прогулках, приёмах высокопоставленных господ, ответные посещения чужих владений, заказ нарядов в швейном доме, их получение и доставка до дворца, пребывание рядом со своей госпожой на любых публичных выступлениях, балах, каждодневных часах музыки, чтения и верховой езды, а также прочие мелкие поручения, коих могло набираться десятками в течение дня.

У каждой из семи фрейлин было по одному выходному в неделю, и Роза как правило половину дня просто проводила в своей постели, а затем гуляла по торговой улице или по лесу. Театры, ярмарки и прочие увеселения старалась обходить стороной. И пусть многие люди посчитали бы её зазнавшейся особой, отсутствие тишины и уединения утомляло даже такого суматошного человека, как Розелла.

Принц Лиганс, который в первые годы пребывания Розеллы во дворце являлся поводом для покраснения её щёк, не так давно стал её близким другом и прекрасным спут-

ником для прогулок и редких ночных вылазок. Именно он показал ей Главный портал³, соединяющий Тельваур с Людским миром, научил насколько уверенно держаться гигантских для человека эльфийских лошадях, что те стали совершенно привычным способом передвижения, часто качал её на тяжёлых качелях королевского сада, а также подсказал, какому банку выгоднее и безопаснее доверить сбережения.

— Казалось, только вчера мы встречали тебя в порту. Время порой играет с нами злую шутку. Я была уверена, что срок ещё не подошёл Ты ведь так юна!

— Скоро мне двадцать, госпожа. А это на год больше человеческого совершеннолетия. Но, признаться, и я думала, что столь невыгодная партия не будет интересна так поспешно, и полагала, что у меня есть ещё несколько лет в запасе. Даже моя матушка вышла замуж в двадцать три.

Матушка её, Элеонора, на родовой книге которой некогда красовался чёрный горноста́й, была партией подстать могучим розам. Однако после того как дедушка Розеллы умудрился растратить нажитое веками и тяжёлым трудом состояние, Элеонор вместе с детьми стала посмешищем в глазах не только общества, но и известных своими прачечными домами шустрых зверьков. Лишь родовое поместье было спасено благодаря тому, что Габбас выкрал бумаги незадолго до

³ Главным порталом называют неподдерживаемый силой проводников портал в лесу близ королевского дворца Драйдариса, соединяющий Тельваур и Людской мир.

смерти отца.

Роза искренне надеялась, что возможно, спустя много лет, такие как она смогут получить свободу, обретут возможность самостоятельно распоряжаться жизнью, но до тех пор, пока они являются частью рода, что не намерен терпеть отказов, себе никто принадлежать не будет. Никого не волнует, что творится у тебя на душе, и приходится идти на ухищрения, чтобы хоть как-то вырваться из цепких удушающих лап.

Одно неверное движение — «отрекаюсь, отрекаюсь, отрекаюсь» доносится до слуха, и больше нет ничего: ни фамилии, ни статуса, ни финансов.

Она всё ещё задавалась вопросом, почему тот, кто тоже был ограничен желанием своих предков, сам становится предком, что не позволяет бежать от злого рока? Почему мать, которую некогда выдали замуж за нелюбимого человека, сама подбирает партию для дочери, а отец, которого жестоко наказывали за малейший проступок, заставляет провинившегося малыша отправляться в тёмный подвал? Роза не была в других людских государствах, но в Семнотисе многие жили именно так.

Переезд в Драйдарис подарил второе дыхание. Культура, мировоззрение, существа, населяющие местность, законы – всё отличалось от строгого Семнотиса. Первые несколько месяцев в излишней миролюбивости эльфов Роза видела лишь притворство, она не верила, что кто-то может быть настолько добр к ней, пока не поняла, что «дети» Великой

Эйрин, Всемогущей Госпожи, которая и создала этот мир, действительно являются таковыми. Может, не позволив людям развиваться по собственным законам, всё было бы по-другому?

— Время, оно Дар ли это или проклятье? — искреннее раскаяние звучало в голосе эльфийского принца. — Мы совсем не чувствуем его. За этот срок мы могли бы придумать, как освободить тебя.

Роза заглушила внутренний позыв поддаться всеобщему отчаянию. Она знала, что её печальный тон с каждой секундой всё больше будет напоминать крик о помощи, и меньше всего хотела, чтобы приютившая (именно так она считала) её семья испытывала чувство вины. Трижды девушка запнулась, подбирая слова, нервно сминала края платья, борясь с растущим в груди воем, и только приоткрыла рот, как в залу вошла одна из фрейлин королевы.

— Прошу прощения, — уверенно произнесла она.

— К нам прибыл гость из Семнотиса. Он просит встречи с госпожой Розеллой. Однако позвольте высказаться, ваше Величество. Юноша утверждает, что прибыл этим днём, однако мне известно, что последний корабль из Семнотиса мы встречали неделю назад. А о пересечении воздушного пространства полётными животными вестей не доносилось.

— Хочешь сказать, к нам прибыл проводник? — спросил Лиганс.

— Лишь предполагаю, ваше Высочество.

Роза не поверила своим ушам. Единственный проводник Семнотиса, как ей было известно, служил во дворце. Никто бы не удивился столь сильно, если бы он попросил аудиенции у эльфийской королевской семьи – мог прибыть с посланием от короля Рабидуса. Но он желал видеть Розу. Иниг из рода Корнов желал видеть её.

— Отец бы не стал тратить на его услуги. Я слышала, что проводники берут непомерно много. Не понимаю.

Проводники — самая малочисленная волшебная раса всего Тельваура. Способные открывать порталы в любую точку миров, они являлись одними из самых почитаемых существ. Неудивительно, что почти каждый проводник работал на королевскую семью своего государства. Тем не менее, в Драйдарисе проводников не водилось.

— Думаю, нам стоит отправиться с тобой, — заявила Эония. — Как бы то ни было, мы должны принять столь почётного гостя.

— Моя королева... — осеклась Роза. — Я не знаю, каков этот проводник, и что у него на уме. Но, если он желает видеть именно меня, это явно неспроста. Если по какой-то причине это столь необходимо, мне нужно незамедлительно идти. Не хочу навлекать на свою семью ещё больше проблем.

— Сделаем вид, что не сразу узнали о том, что он во дворце. Однако не встретить его мы не имеем права. Дайте знать, когда это будет уместно.

Если и существовали эльфы более добрые и понимающие,

чем Драйды, то они излучали свет самой Великой Эйрин, не иначе.

Даже ступая по светлым коридорам дворца, Роза пыталась не показывать страха. Проводник мог появиться перед её глазами в любую секунду.

Помимо известного даже самому юному жителю Семнотиса имени проводника, Роза знала лишь то, что как только редкий дар был обнаружен, Иниг Корн, будучи совсем мальчишкой, был отправлен на воспитание во дворец. По человеческим меркам проводники росли лишь тогда, когда не пользовались силами, и королю с его свитой было крайне важно, чтобы тот навеки не остался в теле ребёнка. Ему было предоставлено лучшее образование, а также «заранее нагретое место подле трона». По крайней мере, эти случайно брошенные слова Роза услышала от отца перед своим отъездом. Как и то, что «проводник – единственный колдун, одобряемый Семнотисом».

Проводник, несмотря на переживания Розы, не перемещался по дворцу, чем позволил ей немного собраться с мыслями. Как и заявила фрейлина, он ждал в малой зале, которая далеко не первый раз встречала нежелающих привлекать внимание гостей.

Молодой проводник стоял к ней спиной, когда открылась дверь. Впервые за долгие годы Роза увидела кого-то в столь тёплой одежде: поверх плотной чёрной рубахи проводник носил длинный красный кафтан с вырезными рукавами, на-

звание которого девушка давным-давно позабыла – погода Драйдариса, как и большинства государств Тельваура, была круглогодично приятно согревающей с нечастыми осадками в виде дождей (не считая нескольких летних и зимних недель, когда тёплые дожди могли идти почти ежедневно) – идеально для чувствительных эльфийских ушей.

Роста, разумеется, был он не эльфийского, однако девушка всё равно сочла проводника высоким. Возможно, он был даже немногим выше Эрнеста Джифольди, который, как Роза узнала утром, отбыл из дворца ещё до её пробуждения.

— Добрый день, — привычным для себя образом Розелла поздоровалась на всеобщем языке.

— Если ты совсем не позабыла свои корни, то я бы предпочёл говорить на Семнотинском, — в голосе проводника послышались нескрываемые нотки раздражения.

Он обернулся.

Если бы Роза судила человеческими мерками, то сказала бы, что проводник немногим старше неё — она бы не дала ему больше двадцати пяти людских лет. Угольно-чёрные кудри обрамляли его бледное лицо. Некогда прищуренные синеватые глаза почему-то вдруг округлились, а тонкие губы точно позабыли о желании пренебрежительно скривиться. В нём точно боролись недоверие и удивление.

— Я не забыла, — уверенно вымолвила девушка, однако её акцент быстро вернул проводнику чувство реальности.

Она уже и не помнила, когда последний раз с ней говори-

ли подобным поучительным тоном. И раздражение не смогло затаиться на лице – оно буквально закричало о своём существовании, когда щёки девушки вспыхнули.

— Теперь я вижу родовое сходство, — вымолвил проводник с лёгкой ухмылкой. Удивительно, что ему не хватило лишь её цвета волос.

— Весьма лестно, — она улыбнулась, вздёргивая подбородок. — Как я понимаю, в представлении мы оба не нуждаемся.

Проводник кивнул, продолжая всматриваться в её лицо. Затем его глаза, совершенно без доли желания, прошлись по её фигуре.

Если проводник не часто покидал Семнотис, то подобных нарядов на женщинах видеть ему не доводилось.

Чем ближе государство находилось к главному порталу, тем свободнее было его общество. Эльфы Драйдариса предпочитали одежду из лёгких, практически невесомых растительных волокон — даже кажущееся на первый взгляд плотное платье можно было спокойствием носить в знойную жару. Узкие, лишаящие дыхания корсеты вызывали в эльфийках ужас, и они могли прибегнуть лишь к неплотной шнуровке, как правило вшитой в само изделие. Такой, например, была синяя туника Розы с длинным свободным рукавом. Множественные завязки были и на её брюках, но выполняли лишь роль украшения и совершенно никак не сковывали ноги. Зато именно благодаря завязкам с Розы не спадали

сандалии, купленные у заморской купчихи, которая утверждала, что обуви удобнее девушке не сыскать.

Представить, что девушка в брюках пройдёт по улицам Семнотиса — было так же невероятно, как и увидеть разом три падающие звезды. Обычно этими падающими звёздами были малое число гостей из других королевств, но и те вскоре предпочитали не привлекать лишнее внимание. На самом деле выражение «не привлекать внимание» — хорошо подходило под описание женской моды Семнотиса — сдержанные цвета, строгие фасоны, не мыслящие о том, чтобы обтянуть фигуру. Вышивку на платьях могли позволить себе лишь девушки высоких сословий. Украшений они практически не носили: как правило это были лишь родовые ценности, которые, не приведи Создательница, молодой некрепкий девичий ум умудрится потерять — куда спокойнее держать их в качестве приданого, которым будет распоряжаться муж. В таком случае украшения либо шли на обеспечение жизни поместья, либо из поколения в поколение лежало в сундуке «для сохранности», крайне изредка радуясь возможности выйти в свет вместе с владелицей.

Пусть уши Розы и не были проколоты, будто она переняла нежность эльфийских ушей, зато длинная золотая цепочка висела практически до пупка, на пальцах красовалось шесть колец, а вплетённые в длинную красную косу лески с нанизанным жемчугом мягко блестели под лучами опаляющего через открытое окно комнату солнца. Пожалуй, собранные

волосы были единственным, что было общего у Розы и привычных для проводника жительниц Семнотиса. Только замужние дамы могли носить волосы распущенными, как и, стоит отметить, носить на них белые украшения, любое из которых должно сопровождать каждый её выход в свет.

— Для меня честь познакомиться с вами, — девушка постаралась прервать молчание. — Смею предположить, что её Величеству и его Высочеству уже известно о вашем появлении. Думаю, они появятся с минуты на минуту.

Роза хотела подтолкнуть его к разговору, и совершенно не понимала, почему проводник предпочитал разглядывать её вместо того, чтобы начать разговор, ради которого преодолел такое немислимое расстояние. Наверняка, это выбило его из сил.

Эти слова действительно подействовали на проводника, и нотка беспокойства появилась в его взгляде.

— Разумеется, да, — вымолвил он. — Этого следовало ожидать. На самом деле, я не планировал задерживаться

Проводник прочистил горло.

Неужели тот, кто многие годы был подле сурового по слухам короля, волновался перед встречей с миролюбивыми эльфами?

— Я здесь из-за твоего жениха.

— Я получила вести только вчера... Он... НЕТ!

Под ошеломлённый взгляд Инига Роза закрыла рот ладонью, приглушая крик. Затем, будто совершенно ничего не

случилось, она опустила руки и свела их в замок.

— Это было от удивления, не подумайте.

— Я и не сомневался.

— Неужели он так богат, что прислал вас?

— Определённо богат.

Ни один глава рода не позволит сыну растрачивать подобные суммы. Если же только род настолько могущественный, что это пустяк? Или...

— Прошу, не говорите мне, что это старый вдовец, который хочет быстрее заполучить меня?! Поэтому ему нечего терять, раз он связался с нами. Иначе к чему такая спешка? Я я бы прибыла через месяц! Стоило ли это того?

— Конечно. Знаешь, ждать он совсем не привык. Совсем не простой человек.

Даже обращение на «ты» осталось для Розы почти незамеченным. В независимости от статуса к малознакомому существу в Драйдарисе обращались исключительно на «вы». Подобное обращение зачастую сохранялось даже при близком общении среди господ, как очередной, совершенно необязательный, символ проявляемого друг к другу уважения.

В Семнотисе обстановка была иной. К женщине на «вы» обязательно обращались лишь в том случае, если она была замужем за человеком более высокого статуса (поэтому мужчина тоже обращался к нему на «вы» в этом случае) или любым образом принадлежала к королевскому роду – в этом случае только король мог выбрать менее формальный стиль

общения. В остальном мужчина сохранял выбор за собой.

К мужчине, вхожому в «высшее» общество, женщина не имела права обращаться на «ты», даже если тот ещё не оторвался от материнской груди. Лишь по отношению к рабочему классу женщина могла выбирать, какую форму общения использовать.

— Так вы хотите отправить меня домой сегодня же?

— Я бы сказал, что прямо сейчас.

— Я не сочтите за дерзость. Я понимаю, что ваше время очень ценно, однако мои вещи совсем не собраны. Как уже говорила, узнала обо всём только вчера.

— И, разумеется, не бросилась собираться. Дома подобная дерзость, облегающая твои ноги, будет совершенно неуместна.

— Помимо этой и прочей «дерзости» у меня два шкафа платьев. Непривычных для Семнотиса, но это **мои** платья.

То ли дело было в том, что Роза слишком тесно привыкла общаться с представителями королевской семьи, то ли в том, что проводник выглядел немногим старше неё, но боле она не испытывала того волнения, которое мучило её перед входом в залу. Проводник, безусловно, был куда выше по статусу, и девушке следовало быть немногим рассудительней, однако была вещь, которая активно развязывала ей язык: отсутствие удивления и раздражения в пронзительных голубых глазах. Лишь хитрость в его взгляде, пробуждающая в Розе ещё больше любопытства, позволяла ей говорить так, как

она бы не посмела при других обстоятельствах.

Со словами о невыносимой жаре и непривычно высокой мебели Драйдариса Иниг снял кафтан и повесил его на спинку стула, оставаясь в чёрной рубашке и штанах.

Роза попыталась прикусить язык, однако он оказался проворнее зубов:

— Почему в Семнотисе «дерзости» позволено обтягивать только мужские ноги?

В эту секунду лицо проводника действительно пронзило удивление. Но ответить он не успел. Двери залы отворились, и впервые проводник увидел эльфийского принца. На этот раз Роза успела разглядеть волнение, которому проводник в ту же секунду приказал исчезнуть или хотя бы затаиться. Зато Роза, пока принц Лиганс, выказывая ещё большую честь проводнику после нескольких минутного обмена любезностями, пригласил проводника отобедать, медленными шагами, совершенно незаметными, спряталась за широкую спинку друга и поспешила покинуть залу.

Стоило ли ей сделать вид, что под копыта её лошади бросилась змея, отчего животное встало на дыбы и ненароком сбросило бедную Розеллу? Это бы выглядело весьма убедительно, ведь почти каждый знал, что держалась девушка в седле уверенно и не могла упасть по простой причине. Тогда проводнику не останется ничего, как дать ей ещё несколько дней на восстановление – проходить через порталы в таком состоянии весьма опасно.

Или притвориться, будто споткнувшись из-за неудобной обуви она повалилась с лестницы?

Спровоцировать жар?

Несмотря на коварство, выющееся змеиными клубками, Роза велела единственной представленной к ней служанке начать собирать сундуки. Медленно собирать, стоило отметить.

— Говорила своей дочери Каре, какие чудные у вас волосы – говорила эльфийка, сдерживая слёзы.

— И она всё повторяет, что хочет такие же, хотя даже не видела вас.

— Стелла, прошу...

— Я буду так скучать!

Рёбра девушки чуть было не хрустнули под силой крепких эльфийских объятий. И таких объятий за следующий час она встретила немало. Подобная участь, что ждала Розу, для любого эльфа казалась невыносимой, однако они понимали, что их неискоренимые устои уж слишком разнятся с людскими.

Когда Арьян узнала, что сопровождение королевы в музыкальной зале отменяется, она почему-то мысленно возрадовалась, что ей не придётся битый час играть на скрипке, которую, к слову, сделали на заказ по приказу самой её Величества. Обычно музыка всегда поднимала её настрой.

Так же тогда стало понятно, что обед с проводником затягивается. Было непонятно, хорошо это или плохо, но девушка поспешила укрыться в саду, пока была такая возмож-

НОСТЬ.

И только пройдя в самую глубь, расположившись под низкими ветвями чёрного бакформа, Роза, растрепав волосы, позволила глазам намокнуть.

Глава 3. Красная роза

В глазах всех заинтересованных жителей замка головная боль Розеллы превратилась в сон, который длился по меньшей мере уже десять часов. А так как до рассвета оставалось ещё далеко, она понимала, что этот сон должен продлиться ещё дольше, хотя на деле даже не смогла сомкнуть глаз.

Встречи с Инигом чудом удалось избежать. Роза была готова броситься на шею принцу Лигансу (и ей совершенно ничего не воспрепятствует это сделать), который вместе с королевой взял на себя проводника на весь прошедший день и лично уговорил того дать Розе три дня на сборы. Чудовищно малый, но всё же имеющийся срок.

Она боле не блуждала из стороны в сторону, не вычитывала месячное расписание кораблей Королевской пристани – лишь тихо расположилась у окна, не выпуская из рук коробку с украшениями. В скором времени ей точно придётся с ней распрощаться «на благо восстановления положения рода».

С грустной улыбкой она открыла шкатулку. Первым делом в глаза бросился небольшой, явно подкинутый совсем недавно свёрток пергамента. Рядом лежало золотое кольцо: на первый взгляд кольцо — шинка в виде изогнутого стебля, включающего в себя очертания толстых листьев и шипов, и небольшой, выточенный из неизвестного красного камня

цветок. Девушка и представить не могла, кому понадобилось бы столь таинственно дарить ей это украшение, пока не прочла записку.

«Это украшение я, сам не зная почему, внезапно приобрёл в небольшом чудесном городке Людского мира. Наверное, уже тогда ваш род предупредил меня о грядущей встрече. Цвет металла крайне бледен, но благодаря этому в Семнотисе вам позволят его оставить. При этом любой знающий ювелир выкупит его у вас за цену хорошего дома, лишь бы прикоснуться к недостижимому для его мира, а затем перепродать не менее осведомлённому роду. Пускай хотя бы этот малый жест с моей стороны будет доказательством того, что я не предаю ту любовь к вашему роду, которая была во мне многие годы.

С нетерпением жду грядущей встречи с вами, госпожа, Эрнест Джисфольди»

То, что кольцо идеально подошло на безымянный палец, Роза объяснила для себя тем, что её род действительно велел вампиру ей помочь.

Только после этого «сон» действительно стал сном.

Благополучно позволив ночным грёзам похитить завтрак и обед, Роза дала себе пощёчину только по одной причине: сегодня был её выходной. Свое состояние она считала недостаточной причиной, чтобы не явиться на службу и в очередной раз убедиться в слабости людского здоровья в сравнении с эльфийским. Поэтому, похитив с королевской кухни

несколько рисовых пирожков с морскими водорослями и получив от повара по пальцам, девушка позволила себе исчезнуть из дворца. Может, Великая Эйрин смилуется над ней и сделает так, чтобы все вокруг позабыли о её существовании? Это же желание усилилось и после того, когда Арьян столкнулась с суровым лицом садовника, который поспешил напомнить юной леди, что знает число бутонов на каждом кусте.

Белокаменные стены храма встретили Розу куда более благодушно. Здесь она всегда знала и чувствовала, что мысли её не увидят осуждения.

Он был просторным и светлым, с главной статуей Всемогущей Госпожи в центральной зале. Высокая, не менее двух с половиной метров (коей Великая Эйрин и была при жизни), выточенная из светлого золота, в этот день сверкала особенно ярко. Роза в очередной раз встала под её вытянутой вперёд рукой с опущенной вниз ладонью, уже зная, что священный камень не дотронется до её лба (поэтому в людских храмах руку Создательницы держали максимально низко, так как занижать её рост было бы оскорбительно). Так она простояла с минуту, пока не уступила место молодому эльфу.

Затем Роза подошла к жрице и после мягкого поклона головой спросила:

— Есть ли свободные молитвенные залы?

— Да, госпожа, — ответила взрослая эльфийка в длинном белом одеянии.

— Требуется ли принести вашу родовую книгу?

— Она у меня при себе.

— Тогда вы можете проходить в любую из свободных зал.

Взяв из рук эльфийки ключ, Розелла поспешила уединиться. Она вытащила из внутреннего кармана жилетки припрятанный маленький бутон красной розы и положила его на длинный белый алтарь вместе с родовой книгой, цветок на коричневом переплёте которой, стоило признаться, даже будучи нарисованным, всегда казался Розе живее её самой. Она смотрела не просто на цветок — перед ней был весь тот путь, что прошла её семья.

Помимо алтаря в небольшой молитвенной комнате с длинным окном под самым потолком было множество толстых незажжённых свеч, стоявших на небольших выступках на стене. Роза взяла одну и стала пред алтарём на колени, совершенно игнорируя стоявшую позади скамью. Свечу она держала меж плотно сомкнутых друг с другом ладоней. Закрывает глаза и глубоко вздохнула.

— Том и Ирис... Те, благодаря кому мы имеем честь носить цвет нашего рода на своих волосах. Ваш друг, Эрнест, говорил, что союз ваш был счастливым и благословенным.

Когда капля горящего воска обожгла руку, и Роза от неожиданности открыла глаза, она поняла, что её слышали.

— Вы столько лет не слышали этого имени... Однако наш друг не забыл семейство роз. Наш друг хочет помочь мне. Но я молю, чтобы мне помог и мой род. Молю, пусть и мой

союз будет благословенным. Пусть...

Роза замерла от ужаса. Ей показалось, что чья-то холодная рука закрыла ей рот, однако, опустив глаза вниз, она не увидела никого и ничего. Девушка не могла вымолвить и слова, начала истошно вдыхать носом воздух. Глаза её испуганно забегали, и, казалось, неведомая сила, убрав руку с её рта, отвесила ей звонкую пощёчину.

— *Молись, чтобы твой союз был не похож на наш...* — прошептал еле слышный женский шёпот. — *Не смей просить такой же участи!*

Прежде Арьян никогда не слышала такого раздосадованного голоса предков. В те редкие случаи, когда они не только слушали, но и отвечали напрямую, голоса были полны добра и поддержки.

Затем голос стал несколько тише, но эхо, наполнившее комнату, напоминало разбивающиеся о каменный пол слёзы.

— *Не будет в Драйдарисе тебе счастья. Бежать не смей. Наша Родина сведёт вас...*

Неожиданный свист, ударивший в уши, на мгновение оглушил. Чуть было не выронив свечу, Роза попятилась назад, опуская голову практически на алтарь. Тьма окутала глаза, а жгучая боль пронзила грудь. Женский голос затих так же неожиданно, как и возник, однако с молчанием долго не пришлось мириться: мужской голос, глубокий и грозный, практически прокричал.

— *Коль не вернёшься домой, род наш будет прерван! Убей*

эту проклятую лису!

Темнота окончательно овладела Розой, и холодный пол поймал её тело. Свеча погасла, и холодный воск густо облепил пальцы.

Мысли долго не могли вернуться в голову, точно та оградила огромной невидимой стеной. Лишь тогда, когда потоки сознания начали пробивать в этой стене бреши, веки перестали быть столь тяжёлыми, а в лёгких словно убрали груды тяжёлых камней, Роза медленно приоткрыла глаза. Цветок с алтаря исчез, а родовая книга лежала лицом вниз, пряча свой символ.

«Род наш будет прерван!» — всё ещё эхом стояло в голове.

Роза знала, что сама продолжить род Арьянов она не сможет — в её семье было достаточно красноволосых мужчин. Не считая Торна, среди подходящих живых родственников у неё был дядя с тремя взрослыми сыновьями, а у старшего из них уже было двое своих. Может ли случиться такое, что никто из них не сможет продолжить род? Эта мысль не на шутку испугала её. Стоило на секунду представить, что с одним лишь Торном, которому их отец собирался передать главенство рода, случится невыносимое, Роза вновь была готова упасть замертво.

В Семнотисе женщинам позволялось продолжить свой род, но только в исключительном случае: все наследники-мужчины мертвы, и нашёлся тот «влюблённый безумец»,

что добровольно, вопреки всем традициям, возьмёт себе её родовое имя. Как правило, подобное происходило крайне редко, но всё-таки происходило. Сколько бы в Семнотисе ни пытались ограничить женщин, родовая магия была важнее любых предрассудков. Даже стоит вспомнить слова Эрнеста – их ветвь пошла именно от Ирис. Поэтому даже если и случится страшное, точно найдётся та, кто не позволит роду Арьянов исчезнуть со страниц истории – ведь и кузин у Розы было немало.

А о какой «лисе» шла речь, она и не смела предположить. Если Том говорил о символе чьего-то рода, то лисы всех размеров и цветов, с крыльями и дополнительными хвостами были на родовых книгах далеко не одного семейства. Кого так сильно опасался её прадед?

Не проронив ни слова, Роза вернула ключ жрице и поспешила покинуть храм. Шаг её был настолько быстрым, что более напоминал бег, и девушка, совершенно запутавшись в мыслях, несколько раз чуть было не попала под копыта эльфийских лошадей.

В чувство привела лишь возникшая перед глазами голубая вспышка, заставившая зажмуриться от неожиданности. Проводник, представший перед Розой, удивлённо огляделся по сторонам, и тут же оттащил девушку с (хвала Создательнице) не самой оживлённой дороги.

— Либо слепа, либо глупа.

— Как вы нашли меня?

Роза даже не попыталась вырвать руку из крепкой хватки. Иниг старался найти причину растерянности на её лице, так как понимал, что это было далеко не его эффектное появление.

Самостоятельно отпустив дрожащую руку, проводник с неохотой ответил:

— Скрыться от меня довольно трудно, Розелла. На то я и здесь.

Одежда на нём была отличная от предыдущей, что видела Роза, и будь девушка не так взволнована событиями последнего часа, она бы сразу заметила, что ткань лёгкой красной туники была явно не из Семнотиса.

— Думали, что я сбежала? Бросьте, корабль до Ладраты отплывает только вечером.

Роза и подумать не могла, что в столь молодом для проводника возрасте Иниг Корн уже умел идти не к месту, а к цели. В одном из трактатов про пределы возможностей проводников она прочла, что этому учатся не одно десятилетие, при этом имеют очень высокую связь с человеком, которого предстоит найти. Либо ошибался трактат, либо пред ней стоял куда более сильный проводник, чем она предполагала — настоящий самородок столь редкого искусства.

— Мой брат... Он ведь служит при короле, — Роза поспешила сменить тему на куда более волнующую. — Вы знаете его? Он здоров?

— Знаю его, как занозу в... — Иниг осёкся. Как бы то ни

было, ему не пристало выражаться подобным образом в обществе женщины.

— Облегающей «дерзостью» части тела? Это очень на него похоже, — ехидная улыбка заполонила её лицо. — Значит, с ним всё в порядке? Хвала Создательнице!

— Никогда этого не забудешь?

— Сегодняшний наряд вы находите более достойным для Семнотиса? Раз мои смелые надежды на изменение местной моды не оправдались, я должна знать, к чему мне быть готовой. Прошу, только не расстраивайте меня.

— Жилеты носят лишь мужчины.

Наблюдая за тем, как лицо Арьян становится пунцовым от злости, проводник поспешил добавить:

— Но платье весьма спокойное.

— Тогда я надену свои самые узкие аквамариновые брюки и усыпанную камнями жилетку, чтобы этого старикашку, за которого меня хотят отдать замуж, поразил удар! Да, я в самом деле отправлюсь домой без лишних пререканий, как велел мне род, но так просто не позволю овладеть собой. Скажите, Иниг, этот человек уже лишился всех волос?

— Ох, нет. И не думаю, что его напугать нарядами. Хотя мне кажется, что это даже может прийтись ему по вкусу.

— Он вам друг?

— Иногда я думаю, что хочу свернуть ему шею.

— Тогда, предполагая, что после перемещения в Семнотис наши с вами пути разойдутся, без лишнего страха ска-

жу, что как бы этот человек ни был мил моей семье, я найду того, за кого выйду замуж раньше. Пусть хотя бы не он, но мой отец лишится всех волос от того, что решил так со мной поступить.

— Что ж...

Портал появился настолько резко перед лицом Розы, что та вновь зажмурилась. Почему проводник не мог её предупредить?

— Я думала, мы отправимся пешком...

— Нет.

Он уже было хотел завести её в портал, но в последний момент будто одёрнул себя и произнёс:

— Для первого раза рекомендую задержать дыхание.

Даже при большом желании она бы не смогла задышать — на эту секунду тело будто забыло о существовании лёгких. Казалось, что Розу с ног до головы окунули в холодную влажную субстанцию, а затем, подвесив в воздухе, подставили под поток ледяного ветра — так бы девушка описала своё первое короткое перемещение с проводником до знакомых коридоров эльфийского дворца.

Иниг, как бы ни пытался не подавать виду, что нашёл Розу лишь с четвёртого раза, и что эти перемещения порядком его вымотали, прижался спиной к стене и приподнял голову. В висках его стучали барабаны.

— Стоит ли позвать лекаря?

Иниг лишь покачал головой.

— Передай слуге, чтобы принёс чай. Я велел ему не заходить в моё отсутствие.

К этой просьбе Роза отнеслась с пониманием, пусть тон проводника и был таков, будто он уже обращался к приставленному ему слуге.

Обратившись к отвечавшей за всех слуг дворца эльфийке, Арьян быстро выяснила, что Ашрион находился в прачечной, откуда забирал только что наглаженные простыни.

Усыпанный веснушками эльф с раскосыми хитрыми глазами часто составлял Розе компанию для игр в кости. Он был одной из причин тихонько злиться на Создательницу за то, что никто из чистых эльфов (то есть не имеющих среди предков прочих существ) не способен перейти грань лёгких заигрываний с теми, в ком не чувствует спутника жизни до конца своих дней.

— Теперь я понимаю, почему к Инигу не приставили девушку. Решили не шокировать нашими нарядами.

— При этом он сам носит украшений больше, чем мы с тобой вместе взятые в обычный день, – сплетничать Ашрион любил так же сильно, как и свои длинные уши. — Кольца почти на каждом пальце, фибула на кафтане, два тяжёлых браслета с аметистами на предплечье И это с учётом того, что он собирался пробыть здесь меньше десяти минут. А после даже не возразил предложенным нарядам. Его Высочество переживал, что наша одежда придётся ему не по вкусу, но за ночь мы бы не сумели пошить вещи подходящего раз-

мера. Вы, люди, такие крошечные, – последняя фраза была сказана с тёплой улыбкой.

Последний образ проводника всплыл в памяти. Он действительно был одет в маленькую эльфийскую тунику.

— После нашего перемещения ему, кажется, совсем не здоровится. Только сделай вид, что этого не замечаешь. Кажется, он не желает этого показывать.

— В первый день он уснул ещё до того, как я спрятал свет, — улыбнувшись, эльф перешёл на шёпот. — После ужина он так и уснул в одежде и отказался от всякой помощи.

— В другие разы он тоже был так измотан? Может, это как раз от того, что он не смог набраться сил после перемещения?

— Другие разы? Ох, я не думаю, что он боле перемещался. Лишь в день своего прибытия и сегодня. Вчера был полон сил и целый день провёл в компании нашего принца.

— В самом деле?..

Внезапно Роза остановилась. Нахмурившись, она уставилась в одну точку, а затем резко развернулась.

— Плесни ему в чай чего-нибудь покрепче. И мне бы не помешало.

— Госпожа?

– О, Тента⁴!.. Быть этого не может!

Проводник, в дверь которого постучали непозволитель-

⁴ Тента - темная госпожа. По поверьям именно она привела в Тельваур чудовищ. Противоположность Великой Эйрин.

но громко, постарался заглушить недовольство, и совершенно спокойным тоном, пусть и явно наигранным, разрешил не знавшему манер гостю войти. Роза хлопнула дверью так громко, что, если бы рядом шёл эльф, уши бы его болели минимум до конца дня.

— Я должен был догадаться, что это не прислуга. Успела соскучиться?

— «Входите!» – язвительно передразнила девушка. — Эльфов почему-то вы боитесь больше, чем меня. А зря. Я самое немиролюбивое существо этого дворца.

«Да как она смеет?!» — Иниг не понимал, откуда в девушке столько дерзости.

И как бы ему ни хотелось её погнать, на это не было никаких сил. Запустив руки в волосы, он сидел на краю кровати с опущенной вниз головой. Если бы кто-то сказал, что ранее ему в лоб врезалось лошадиное копыто, он бы совершенно не удивился.

— Ты понимаешь, с кем сейчас разговариваешь? Или совсем позабыла?.. Глупая девчонка.

— Ох, не смейте! Пока мы находимся в Драйдарисе, я — фрейлина её Величества. Конечно, я лишь человек, но ценят меня не меньше вашего.

— Тогда я буду звать тебя глупой девчонкой с завтрашнего дня. В Семнотисе цены тебе нет.

— Неужели? Вы станете обращаться с женой подобным способом?

Проводник резко убрал руки от лица. Его изумлённые круглые глаза непонимающе уставились на Розеллу.

— Или я не права?

Иниг не отвечал.

— Иначе бы вы уже давно отправились в Семнотис сообщить королю, что задерживаетесь. Ведь изначально вы сообщили, что хотите забрать меня сию же секунду. Если вы просто исполняли чьё-то поручение, вашего возвращения бы ждали. Только если вы не сообщили, что дело личное и может затянуться. Лишь в этом случае король мог пойти на встречу и не требовать отчёта. Позволять проводнику отлучаться на несколько дней из-за чужой прихоти. Не думаю. Вы бы не стали искать меня, думая, что я сбежала. Какое вам было бы дело?

— Это лишь неуместное предположение, не более, — отмахнулся проводник, поднимаясь с постели.

— Тогда скажите, что я не права.

— Вы не правы.

— Не так. Взгляните на меня и опровергните мои слова.

Иниг, который всё это время старательно смотрел на окно, сделал резкий шаг в сторону Арьян и пристально посмотрел ей в глаза.

— А я и не перестаю наблюдать за твоей непозволительной дерзостью.

— Тогда мне жаль не только запуганных женщин Семнотиса, но и вас, ведь, поверьте, я ещё даже не начинала дер-

зить.

На этот раз шаг сделала уже Роза, и теперь они уже стояли непозволительно близко друг к другу.

— Так вы хотели посмотреть на меня?

— Убедиться, что ты не так страшна, как я предполагал.

— Убедились?

— Да, — ответил он без всяких подробностей. — Как и в том, что бед с тобой не оберёшься.

«Бежать не смей!» — стучало в её голове.

«Бежать не смей!»

— Ашрион принесёт чай через несколько минут. Если будете себя хорошо чувствовать, и время позволит, в пять часов буду ждать вас в саду.

Под молчание проводника Роза поспешила покинуть комнату, на сей раз закрыв дверь без лишнего шума. Голова её была готова взорваться от тысячи мыслей.

Сообщив служанкам, начавшим уже волноваться, что собирается отдохнуть, Роза заперла свои покои на ключ. Затем она плотно закрыла шторы, чтобы её не беспокоил ни один лучик света. А после, набросив на себя лёгкую сорочку, девушка перевернула одеяло и поспешила насладиться недолгими минутами прохлады постельного белья.

Как реагировать на выяснившиеся обстоятельства, она совершенно не знала. Ещё неделю назад она и подумать бы не посмела, что её мужем может стать проводник. Не старый вдовец, не влюбившийся до беспамятства лорд, не чей-

то рождённый с недугами сын, а тот, кто мало того, что совершенно не подходил ни под одну из перечисленных категорий, так ещё и являлся одним из самых влиятельных существ Семнотиса. К тому же Иниг Корн был внешне красив. Какую магию применил её отец, чтобы договориться о подобном союзе? Как он вообще осмелился предложить Корнам подобное? И неужели их глава рода настолько обезумел, что даже предпочёл выслушать Габбаса вместо того, чтобы просто рассмеяться ему в лицо?

Сейчас у Розы был только один друг, с которым она могла завести волнующий её разговор, а также самой спросить то, чего так хотела многие годы.

Принца Лиганса она нашла подле конюшни – наследник престола собирался отправиться на прогулку без всякого сопровождения, однако передумал в ту же секунду, как увидел юную госпожу. Своей лошадью Роза так и не обзавелась, так как уже давно понимала, что не хочет привязаться к животному, которому не удастся найти счастья на её родине. «Эльфийские» лошади в Семнотисе не водились – подстать владельцам были слишком крупными, чем сильно пугали людей, а также требовали соответствующее количество пищи, хоть и были куда выносливее своих «человеческих» собратьев.

Пока подготавливали лошадь, Роза практически добежала до спальни, где уже четвёртый раз за день была вынуждена переодеться. И пусть она знала, что вид её открываю-

щихся коленок совершенно не привлечёт внимания Лиганса, управлять столь мощным животным в платье было бы глупо.

После на лошадь ей помогли забраться стул и главный конюший, который в свою очередь ранее принёс подходящее седло.

— Я узнал это от самого Инига прошлым вечером, — ответил принц на новости подруги. — Он очень извинялся, что не рассказал всего сразу. Попросил не говорить вам раньше срока, но я настоял на том, чтобы вы узнали всё немедленно.

Даже после этих слов Роза не стала говорить, что догадалась обо всём сама. Лишние склоки ей были ни к чему, а залезть в голову проводнику и узнать все его планы она не могла.

— Наверное, это даже успокоило меня. Согласен, мы не знаем, каков этот мужчина, однако пока склонен предполагать, что он не самый худший вариант из возможных.

Их лошади медленно вышли на лесную тропу.

— Я знаю, что, если он сам не захочет поусердствовать над избавлением от уничижительных взглядов Семнотиса, счастья нам не найти. Поэтому буду наблюдать и в случае необходимости умолять отца не лишать меня родового имени. А если ситуация станет крайней...

— Тогда вы должны знать, что я велел пополнить ваш банковский счёт на сто золотых мальфикаров. Это мои личные сбережения, не имеющие отношения к казне.

Нервная улыбка появилась на девичьем лице. Она уж бы-

ло хотела сказать, что стала крайне часто получать невероятно щедрые подарки от не приходящихся ей мужей мужчин, но решила промолчать.

— Я верну их, если не воспользуюсь. А если воспользуюсь, то тоже...

— И слушать не желаю.

Роза закатила глаза, но приняла тот факт, что такая помощь явно не была для неё лишней.

— Благодарю вас. Вашей невесте очень повезло.

Она сделала вид, что бросила фразу совершенно невзначай. О Келедис Тедд, принцессе второго по могуществу эльфийского государства Тельваура — Тедвига, они не говорили ни разу. Как бы ранее Розу ни пожирало любопытство, задавать столь интимные вопросы она не смела.

— Тогда признаю, что знаю о ней даже меньше, чем вы знаете о вашем наречённом. Я видел её последний раз почти век назад. Она была совсем ребёнком, да и мне самому только исполнилось шестнадцать. Помню потому, что незадолго до этого мы справляли моё эльфийское совершеннолетие. Обоим нашим отцам во время родовой молебны явилось, что наши семьи должны объединиться, поэтому о сомнениях и речи не шло. Пока я единственный наследник Драйдариса, всё совершенно понятно. Я не знаю, жду ли того момента, когда мы с ней увидимся, чтобы разорвать договор или оставить его, но при любом раскладе выбор у нас имеется. Как мне известно, мы оба чистые эльфы, так что быстро распо-

знаем зачатки любви.

— Какой она была?

— За тот короткий миг, что я её видел, могу сказать, что у неё рыжие волосы и не самые хорошие манеры. Они с её братом чуть не сбили меня с ног. А я тем вечером, между прочим, был не только взволнован, но и душевно ранен, — принц усмехнулся.

— Была причина хуже договора?

— Не буду говорить за каждого эльфа, но вы и сами знаете, что здесь не принято употреблять в пищу животных. В других королевствах эльфы покупают туши у людей и никогда не убивают сами. Но вы же в курсе, что Тедвиг — единственное эльфийское королевство, где разрешена и вполне популярна охота среди эльфов? Королевская семья, чей род является покровителем диких зверей, лично возглавляет охоту каждый сезон. Так вот... — Лиганс зажмурился, пытаясь отогнать неприятные картины из воображения. — Я был крайне взволнован тем вечером. Тем более нам лишь только в последний момент сообщили, что договор будет заключаться не со старшей незамужней дочерью Теддов, а с младшей, отчего мои родители крайне огорчились, ведь оба успели полюбить принцессу Ленди, а Келедис знали не более того. Разумеется, принимали нас очень почётно: даже велели, чтобы мяса ни в коем разе не было на балу. Танцевать я не хотел и решил незаметно укрыться в замке, который, к слову, сам по себе вызывал чувство, что хочет поглотить меня

подобно своим владельцам. Я решил затаиться в одной из комнат нижнего этажа, выбрал первую попавшуюся. И знаете, куда я попал?

— Кладовая?

— Опутанная охлаждающим заклинанием живодёрня.

— О, Тента!

— Десяток подвешенных туш ни в чём не повинных кабанчиков.

— Не продолжайте.

— Сначала я закричал. Довольно громко. Зачем меня почти стошнило. Потом, почти рыдая, я пытался найти выход из замка, где в меня и врезалась моя наречённая, которая, кажется, даже не поняла, при ком выругалась перед тем, как попросить прощения. Более мы не встречались. Сейчас она уже достаточно выросла, а я не столь раним.

— В порту я однажды услышала от купцов, что красивее эльфийки не сыскать во всём Тедвиге.

— А ещё, что вместо коня она разъезжает на лосе. Это слышал и я. Но понимаю я вас лишь отчасти, потому что знаю, что выбор у меня будет. И хочу, чтобы знали и вы, что наша семья не откажется от вас, даже если это сделает ваш род. Смотрите не на положение Инига, а на то, сможете ли вы прожить с ним счастливую жизнь. Я вижу, что он многое утаивает даже от меня.

Роза пришла немного раньше назначенного времени. Сад помогал перевести дыхание и приготовиться к волнующему

разговору. Болтая ногами в воздухе, она впивалась пальцами в края крепкой деревянной скамьи и постоянно оглядывалась по сторонам. Затем убеждала себя забыть хотя бы на минуту, но тут же нарушала обещание и начинала всюду высматривать проводника. И тот в свою очередь появился.

Столкнувшись с главным садовником, Иниг услышал, что «госпожа Розелла» ожидает его подле розовых кустов и внимательно выслушал, куда именно ему следовало идти.

Услышав приближающиеся шаги, Арьян была готова чуть было выскочить ему навстречу, но в последний миг успела вразумить, а затем и вновь усадить себя на скамью. На сей раз колких замечаний касательно штанов она не услышала. Обратил проводник внимание на её внешний вид или нет — он этого никак не показал, лишь сел рядом, подбирая вылетевшие из головы ранее заготовленные слова.

— Расскажите всё, что знаете сами, — попросила она.

— Ещё ничего не решено до конца. Свадьба может и не состояться.

— Но в Семнотисе меня будут знать, как вашу невесту?

— Да. Поэтому там нам стоит быть более осторожными. Для вашего же блага. Думаю, тебе подберут хорошую наставницу, которая позаботится о том, чтобы дурные языки не омрачили не только твою, но и, возможно, нашу репутацию. Уверен, другие семьи будут крайне внимательно наблюдать за тобой. Я хотел перенести тебя сначала в ваше родовое поместье, а затем, когда все формальности будут улажены, за-

бирать в королевский дворец. Однако твой отец так сильно боится срыва нашего договора, что настаивает забрать тебя сразу.

От слова «наставница» Розу передёрнуло. В Семнотисе каждой половозрелой девушке приставлялась взрослая дама, которая внимательно следила за своей подопечной и обучала тому, что стоит знать в браке в зависимости от её положения в обществе: воспитанию детей, ведению хозяйства или грамотному подбору прислуги, приёму гостей и тому подобному.

Знала Роза это лишь по тем обрывкам информации, которую успела усвоить ещё в детстве. И ей было крайне любопытно, входила ли в «наставления» такая немаловажная информация, как близость между супругами. Сможет ли наставница поведать больше, чем Роза вычитала в совершенно доступных в библиотеке дворца книжках? Книгах с довольно понятными иллюстрациями. Или наставница начнёт так же краснеть и злиться, как сделала её матушка Элеонор, когда впервые услышала от дочери нормальный для любого желающего понять природу своего происхождения ребёнка вопрос.

— Может, до моего прибытия к вам во дворец не стоит распространяться о нашем возможном союзе?

— Тишина не поможет за короткий срок тебе найти того, за кого «выйдешь замуж раньше», чтобы сбежать.

— Она явно не помешает. Мне кажется, нам обоим это

внимание будет ни к чему.

— Я обдумаю это.

— Непременно обдумайте. Но я прошу вас дать мне чёткий ответ хотя бы на самый волнующий меня вопрос. Пускай мы оба молоды и красивы. Но вы богаче, значительно богаче. Род ваш пусть и ранее был не известен, зато сейчас находится при милости короля. Мой же род раньше имел большую власть, при этом сейчас наше положение так шатко, что достаточно порыва ветра. Это ваш первый брак. Вы первый сын. Вы проводник! И явно не любите меня, как и я вас. Иниг, зачем? Просто будьте честны со мной, почему вы согласились?

— Я не соглашался.

— Почему согласился ваш отец?

— Спросишь у него.

— Вы увильваете.

Проводник, не скрывая улыбки, ответил:

— Смеешь сомневаться в моей честности?

— Да.

— Ты должна быть счастлива, что твоим мужем стану я, а не как ты говорила сама — «старый лысый вдовец», но всё ещё усиленно пытаешься отыскать подвох. Любая на твоём месте ценила бы и поняла, какая это честь.

— Я бы предпочла быть с мужчиной, кто сам видит честь в том, чтобы быть со мной.

— Для этого нам потребуется больше времени, лукавить

не стану.

— Но даже если всё это и произойдет, наши отцы смогут и передумать, — Роза поднялась со скамьи, растирая виски руками. — Всё ещё уверены, что не желаете сделать вид, что не нашли меня? Или по чистой случайности создать портал до Ладраты, где потеряете меня?

— И выставить себя посмешищем, а не проводником? Изволь.

Отвернувшись, Роза закатила глаза. Попытаться хотя бы стоило.

Её взгляд упал на высокий куст с густыми красными бутонами. Даже не высматривая, не находится ли поблизости садовник, Роза без раздумий сорвала крупный бутон. Она вновь мысленно спросила свой род, зачем ей стоит возвращаться домой. Вновь спросила, уверены ли её предки в своих наставлениях. И пусть знала, что никакого ответа сейчас не получит, не хотела оставлять надежду. Надавливая большим пальцем на острый шип, она молила услышать её. Давила всё сильнее, и когда нежная кожа была вот-вот готова прорваться, резко развернулась и протянула цветок проводнику.

— Пусть это станет первым шагом к установлению понимания между нами.

Подобный жест крайне удивил Инига, но цветок он принял. Мягкие лепестки будто поцеловали его кожу.

— Протяни руку, — попросил проводник, и мягко разжал девичьи пальцы. Надавливая на её ладонь, Иниг закрыл

глаза. Роза, совершенно опешившая, затаила дыхание. Через несколько секунд она вновь увидела голубую вспышку, однако на сей раз совершенно маленькую и не такую яркую. На её руку упал небольшой колос пшеницы.

— Мой род тоже принимает это, Розелла

Это был первый раз, когда они оба искренне улыбнулись друг другу.

Глава 4. Колос

Двумя неделями ранее

Король измерял комнату длинными размашистыми шагами. Заведя руки за спину, он посмотрел на светлый узорчатый потолок и глубоко вздохнул. Сам он никогда не понимал и не принимал подобных «изысков», любил, чтобы всё было просто и практично. Какой толк от рисунков? А вот первая жена его, что уже как двадцать пять лет отдала свою душу Великой Госпоже, никогда так не считала. Наверное, лишь благодаря этому главный дворец Семнотиса не до конца походил на скучное мрачное строение. Чего стоил один лишь сад, некогда лично засаженный покойной королевой; к счастью или к сожалению, посетителей у этого места было немного — подданные боялись, что король, который порой находился не в самом здравом уме, воспримет это как попытку осквернить память о его дорогой супруге.

— Может, яду ему подсыпать? — предположил Иниг. — Умрёт себе ночью, никто и не подумает ничего. Или на охоте случайно стрелу пустить?..

— Сразу заподозрят. Слишком малец Совету полюбился. Святоши... Я бы своими руками каждого! — мужчина рассёк ладонью воздух.

Тяжелее всего Рабидусу было признавать, что воля его не безгранична. Что, как бы сильны ни были его прихоти, все-

гда могли найтись те, кто ставил на место даже короля. В такие моменты любой любящий жизнь слуга знал, что даже неверно понятое моргание может привести к жестокому наказанию. Иниг Корн был одним из немногих, кто в подобные моменты осмеливался даже на дерзость, потому что знал, что его положение гораздо крепче.

— Дайте мне немного времени, и мы сможем казнить этого мерзавца в рамках закона. Я точно что-нибудь найду или сделаю так, чтобы что-нибудь нашлось. Но я должен знать, чем он так провинился перед вами.

Король на миг задумался и почесал бороду. Однако, как бы он ни желал поведать мучившую его тайну, знал, что более доверять не может никому.

— Тогда я буду думать, как устранить тебя.

Глаза Инига округлились от изумления. Неужели проступок был настолько серьёзен? Неужели Торн из рода Арьянов омрачил жизнь короля так сильно, что тот осмеливался разбрасываться подобными угрозами? Почему Рабидус до сих пор незаслуженно позволял лишь этому красноволосому юноше знать недостижимую для других информацию?

Инигу не впервой приходилось находить то, чего никогда не видели другие. Как самое приближенное к королю существо, он, сам того не заметив, стал как судьёй, так и палачом. И мириться с тем, чтобы кому-то было доверено дышать ему в спину? Нет, Торн стал для него личной мишенью.

— Мне донесли, что Габбас желает вернуть дочь домой.

Может, поможет это как?.. — спросил король.

Иниг невольно улыбнулся: избавиться от крайне раздражающего Арьяна будет куда проще, чем он думал. Кто бы мог подумать, что сестричка дорогого Торна вдруг окажется шпионкой, а он сам окажется её пособником? Провернуть нечто подобное будет несложно

— Если дело в замужестве, то во дворец её не привезут. — спросил Иниг. — Даже на праздник. Небогаты они.

— Если это поможет, то привезут.

Иниг работал на короля, сколько себя помнил. С самого детства он проводил время во дворце под присмотром отца и ныне покойной матери, которые заставляли его изучать языки, грамоту, счётную науку и прочие вещи, которые на тот момент казались абсолютно бесполезными и забирали у юного Корна детство. Благодаря потерянному беззаботным солнечным денькам он обрёл немалую власть. А бушующее безумство правителя Семнотиса только способствовало укреплению положения Инига, так как большинство важных решений были именно на нём. Даже единственный сын короля принц Каэлор не имел подобной власти. А нога принцессы Ривереи уже как пятнадцать лет не ступала по коридорам дворца.

— Можете положиться на меня, – сказал проводник, безуспешно пытаясь скрыть обиду. — **Я**вас не подведу.

Если бы проводник не переместился в свои покои, а отправился привычным для людей способом, то точно бы со-

рвал дверь с петель. Не обращая внимания на отца, он швырнул кувшин с водой в стену и пнул ногой стул.

— Да окажется он в объятиях Тенты!

— Тебе не стоит реагировать столь бурно, — попросил Вэлон совершенно спокойным тоном и спрятал в карман кафтана недавно полученное письмо.

— Король больше доверяет не своему проводнику, не своему советнику, не мне! Всё носился с этим красноволосым дуралеем, а теперь прибегает за помощью! И даже сейчас... Сейчас! — Иниг взмахнул руками. — Он не говорит то, что доверил ему.

— Так он хочет избавиться от Торна? Как?

— Тихо.

— Богиня благоволит нам, сын мой.

— Богиня издевается надо мной.

— И делает это на благо нашему роду. Что ты знаешь о Розелле?

— О ком? — переспросил Иниг.

— Сестре Торна.

— Ах, ты о ней... Служит эльфам. Всё, пожалуй? Какая мне разница? Ей тоже не жить.

— Нет, нет, нет! — некогда спокойный тон Вэлона сменился на испуганный, и мужчина подскочил на ноги. — На, хлебни.

Налив в две чаши вина, Вэлон усадил сына на стол и, немного походив из стороны в сторону, точно пытаясь подо-

братъ верные слова, сел рядом с сыном и зашептал.

— Это на благо нашему делу.

— Как?

— Отец её сообщил уже не одному лорду, что дочь его готова для брака. Скажешь, что возьмёшь девчонку замуж.

— Что?!

Вэлон плеснул сыну ещё вина и заставил выпить чашу залпом.

— Я думал, ты хотел свести меня с Аннет.

— Аннет не поможет нам убраться отсюда!.. Как бы род её ни был богат, — прошипел Вэлон. — Я не хочу, чтобы моих детей и детей моих братьев и сестёр порубили на куски, когда мы будем бежать. А настанет день, когда живыми мы оставаться здесь не сможем. Король нездоров. Он ненавидит нелюдей. Счастья нашему роду здесь не будет. Я только и слышу о том, что и те редкие эльфы бегут от нас.

— Но я...

— Ты будешь первым, когда рассудок его окончательно помутнится. А затем и все мы.

— Но причём тут девчонка Арьян?

— Она служит самой королеве. И мои люди говорят, что она очень близка с принцем.

— Близка насколько?

— Он чистый эльф, не глупи. Габбас бы в жизни не отправил дочь туда, где её могут растлить. Коль она мила Драйдам, как домашняя зверушка, они не оставят её без поддерж-

ки, когда узнают, что, например, ей и вашим детям грозит смерть. Они примут нас. И даже Рабидус не посмеет пойти против их рода.

— Зато род Арьянов он терпеть не может. Ты понимаешь, как это на мне скажется? Выдай её за Норина!

— Ему только пятнадцать. У нас нет времени ждать. Если король желает смерти Торна сейчас, то ты в его глазах возьмёшь на себя столь тяжёлое бремя брака с Арьян и спасёшь его от гнева Верховного Совета. Вот как это скажется на тебе. Никто и подумать не посмеет, что второй человек после короля будет причастен к смерти своего шурина. А без твоего участия, как известно, во дворце ничего не происходит, значит, чист будет и король. Главное обставить всё так, чтобы не было сомнений в его виновности...

— Это безумство.

— Это наш шанс вернуться на Родину, которую наши предки посмели променять на Семнотис.

— Я не согласен. Я не обязан. Меня король не тронет.

— Говорят, он не просто так изгнал родную дочь. Думаешь, не тронет тебя? Коль выживешь, сможешь пережениться хоть десяток раз. Арьяны смертны.

Последнее, что услышал Иниг, покидая комнату, было:

— Ты ведь помнишь, что твой дед был казнён? Он не был проводником, но, поверь, король тоже благоволил ему.

Понимая, что тело не выкажет благодарность от очередного бессмысленного перемещения за столь короткий срок,

Иниг перешёл на быстрый шаг.

Вскоре он оказался в просторном дворе королевского дворца, который за это утро успел встретить далеко не одну карету. Близился неофициально названный обществом свадебный сезон. На ежегодном недельном празднестве в честь Великой Эйрин знатные незамужние девушки имели право посещать королевские балы и пиры, благодаря чему число сыгранных после свадеб было небывало высоким по сравнению с любым другим сезоном года. А вот ярмарки и уличные представления способствовали в этом вопросе и простому люду.

Если поместье находилось далеко, приезжали юные леди заранее и проживали в выделенных покоях вместе с наблюдательным взглядом наставницы. Порой их отцы и вовсе нарочито говорили о тяжести дороги для своих крошек, чтобы тем позволили находиться при дворе «немногим» дольше – это повышало шансы на успех.

— Посмотри, какая, — взгляд Лимма, лучшего друга Инига, заинтересованно прошёлся по одной из только что приехавших леди. — Я бы посмотрел, что она так тщательно скрывает под этими слоями одежды.

— Уже позабыл о Лиарии? – спросил принц Каэлор, усмехаясь. — Только вчера плакался, как мила тебе.

Внешне единственный наследник короля был похож на отца лишь большими выпуклыми серыми глазами. Восемнадцатилетний юноша старательно избавлялся от любого намё-

ка на бороду, предпочитал стричь русые волосы не слишком коротко. Каэлор был невысоким и худым, при этом свой меч всегда держал крепко и не терпел, когда ему поддавались на тренировках.

— Не кинжальте меня, мой принц. И видеть меня не желает.

— Говорят, с Торном якшается, — будто ненароком бросил Иниг, становясь подле них.

— Лжешь! — вспыхнул Лимм.

От попытки схватить друга за край кафтана его отговорило присутствие принца.

— Куда такой пташке водиться с этим негодяем?

— При этом всего за три года службы в отряде гардов этот «негодяй» стал личным телохранителем моего отца, а затем и вовсе королевским посланником в Верховный Совет, — ответил принц Каэлор. — А теперь папенька ненавидит его... Ещё месяц назад он велел Торну сопровождать меня на охоте, а сейчас запрещал даже дышать в его присутствии. А ведь Торн обещал доставить мне кинжал из Кунгора!

— Ямогу доставить вам его, ваше Величество, — сказал Иниг.

— Ты не знаешь тех мастеров, которые знакомы ему.

Пытаясь не показывать раздражения, проводник приподнял уголки губ. Неподалёку показалась знакомая чёрная мантия, скрывающая стройную поджарую фигуру.

— Говорят, и сестра его приедет на праздник, — сказал

чуть громче обычного Иниг.

Фигура замерла.

— Их отец пытался договориться с моим о свадьбе, — ответил Лимм. — К Тенте это!

— Может, она боле красива, чем Лиария? Ведь ничего более ты не знаешь о своей пташке? Мне всегда было любопытно посмотреть на красноволосых ледеи, — мечтательно произнёс принц.

— Думаю, приданое у неё совсем скудное, — Иниг не смог не улыбнуться шире прежнего, когда Торн развернулся в их сторону. — Конечно, никто не заинтересован в такой партии.

Сбросив капюшон, королевский изгнанник обнажил вьющиеся красные волосы. Его пронзительные карие глаза грозились высечь на проводнике большую рану, чем это сделал бы его меч. Кожа Торна была особенно бледна, будто тот почти не знал солнца, и это всегда беспрепятственно позволяло бушевать краснеющей злости на его лице. В свои двадцать четыре года он добился большего, чем некоторые за половину жизни. За это его многие ненавидели.

— Ваше Высочество, — склонил голову парень. — Иниг, Лимм...

Принц свёл губы в тонкую полосу, и взгляд его растерянно забегал. Молодой человек от ужаса чуть было не поклонился в ответ и резко отступил на шаг назад.

— Я скажу лишь, что оскорбления в сторону моего рода слышать не намерен. И вам не пристало участвовать в подоб-

ных разговорах, мой принц. Такие разговоры унижают мужчин.

Каэлор чуть было по старой привычке не согласился с Торном, но вновь смолчал.

— Родиться удачливым недостаточно, чтобы полагать, что ты выше тружеников, — тёмные глаза были направлены на Инига.

— Но я крайне рад, что мой род никак не уходит из ваших голов, раз упоминается при каждой возможности посплетничать.

— Знакома ли тебе Лиария? — внезапно спросил Лимм, но принц одёрнул его, выставив руку вверх.

— Не в моём присутствии. И не на глазах гостей.

— Не переживайте, мой принц, — ответил Торн. — Я предпочту удалиться.

Однако вместе с Торном отправился и Иниг, который, дождавшись, когда они спрячутся за одним из ведущих к тренировочному полю проходов, начал заниматься давно излюбленным занятием: испытывать терпение красноволосого изгнанника.

Иниг знал, что Торн, в отличие от своего отца, был не столь вспыльчивым и мог успешно сдерживать злость внутри души. Даже щёки его краснели не так сильно, как у известного в обществе Габбаса, который частенько велел выпороть слуг за различные провинности. Часто глава рода Арьянов занимался этим самостоятельно. Не удивительно, что как

только наследник роз достиг людского совершеннолетия, он первым делом пожелал вступить в отряд гардов, дабы появляться в родном поместье как можно реже.

Когда Торн, явно крайне взволнованный, чуть не врезался в одного из советников короля, Иниг наконец-то вымолвил: — Ослеп, что ли? Сейчас ведь убьёшь кого-то.

Торн внезапно остановился и взглянул на проводника так, будто мог читать его самые потаённые мысли.

— Может, с тебя мне начать? — спросил острый на язык юноша.

— Ну, так попробуй.

— За все эти годы имя моей сестры ни разу не всплывало в стенах этого дворца. Так что же побудило тебя испытать к ней интерес?

— Говорю лишь то, что знаю сам. Чего так боишься?

Торн закрыл глаза. На секунду он вообразил, как резко срывается с места и, схватив проводника за грудки, прижимает его спиной к стерне. Он практически видел, как закричит, как голос его будет надрываться от слов, что только лишь упавший волос с головы его милой сестрицы заставит его задушить проводника собственными руками. Он видел, как бьёт Инига в живот, как заставляет его глотать пыль, как кинжал его освобождается из кожаных оков. Но на деле Арьян просто стоял на месте, тяжело дыша. Он знал, что показывать ещё большее волнение крайне опасно. Простое вмешательство в разговор и отстаивание чести рода не так

опасны, как бросание вызова. Он не смел подвергать сестру опасности и вынуждать её становиться пешкой в чужих руках из-за несдержанности, с которой боролся годами.

— На моём месте, как и любой другой уважающий себя мужчина, ты бы не позволил осквернять имя своей сестры. А у тебя их шесть. Не удивлюсь, что каждый будет пускать немыслимые слухи, дабы самому взять замуж хотя бы одну из них и зачать с ней не меньше дюжины детей, дабы родился долгожданный проводник.

— Этого не произойдёт.

— Подобное уже произошло однажды, Иниг.

Иниг хотел, чтобы Торн набросился на него с кулаками. Знал, что так избавиться от него будет гораздо проще. Но Торн точно знал, куда нужно бить без всяких слов. И продолжать копать могильную яму Иниг больше не мог. Он знал, что речь шла о матери, умершей в одиннадцатых родах.

— И я знаю, что моя сестра заслуживает куда лучшего мужчину, чем твой друг, уж извини. Я повлияю на отца. Я не позволю так издеваться над ней. Она не обязана платить за ошибки нашего деда.

Иниг не смог сказать ничего более, как:

— Сколько лет ты не видел её?

— Десять.

— Столько же лет моей младшей сестре.

— И ты знаешь её лицо, в отличие от меня. И знаешь, что происходит с ней. И знаешь, что врать она тебе не станет,

когда сообщает о том, как ей живётся.

На мгновение Инигу показалось, что глаза Торна заблестели.

— А ещё ты знаешь, что ей не приходится падать замертво почти каждую ночь, потому что она не желает казаться слабой в глазах эльфов. Не удивляюсь, что волосы её давно poznали седину, как и мои.

— Никогда этого не замечал.

— А я надеюсь не заметить этого в ней.

— Твой отец ведь пытается выдать её за сыновей знатных родов.

— И те поголовно отказываются. Если Роза не найдёт себе в Драйдарисе мужа в ближайшее время, то её ждёт обязанность ложиться под старика. Я знаю, что отец на днях встретился с лордом Аммосом. А сыновей у него нет, как известно. Ты говорил, что Роза прибудет на празднования. Но даже если она отправится на самом быстром корабле прямо сейчас, то не успеет. Но я был бы рад, если бы она смогла сделать это. Уверен, что ей бы не составило труда очаровать любого достойного мужчину настолько, что тому стало бы плевать на унижения нашего рода.

И как бы Торн ни желал просить у проводника доставить Розу в Семнотис в сей час, сделать он этого не мог. Не верил, что тому будет достаточно его скудного жалованья. Да и вынудить Инига отправиться в нелюдское государство, что вызовет ещё больший гнев короля, он тоже не мог. Торн был

уверен, что если Рабидус узнает, то выпорет всех троих, а Розу отправит обратно в ту же секунду. Ведь юноша ещё не знал истинных планов короля.

К вечеру небо заволокло тяжёлыми тучами. Срывался лёгкий дождь, и Инигу, которому было велено отыскать принца, увидел того подле конюшен. Принц Каэлор в сопровождении выросших рядом с ним сыновей двух знатных лордов — Ариона Луфетри и Ирата Моргловера — явно собирался отправиться за пределы дворца.

— Сообщили, что видели приглянувшуюся мне лань! — с широкой улыбкой прокричал юноша. — Нужно догнать, пока не ушла.

Иниг знал, что перечить принцу не смеет, но всё равно произнёс:

— Вас желает видеть отец.

— Отец поймёт меня! — ответил недовольно Каэлор. — Нельзя терять ни секунды!

Неожиданно в их поле зрения показался Торн. Голос его был твёрдым и уверенным.

— Гроза не обойдёт. Отправитесь в следующий раз, мой принц.

— Т-ты не смеешь... — заикнулся юноша. — Я хочу! Я давно выслеживаю её!

Разумеется, каждый знал, что на деле выслеживают несчастную белошерстную лань опытные королевские охотники.

— Лошадь ваша труслива и мала, — убеждал его Торн, а затем обернулся к конюшему. — Чего молчите?! Вам жизнь не дорога? Мой принц, спускайтесь. Она не уйдёт из ваших лесов.

Раскат грома ударил по ушам.

— Вам следует послушать его, — Иниг не верил, что согласился с Арьяном.

Однако принц был непреклонен. Он внимательно посмотрел на Торна и прошипел:

— Я не слушаю вас потому, что так велел отец. И верить вам нельзя.

— Это не значит, что погода солнечна и лошадь ваша спокойна.

Приказав друзьям следовать за ним, Каэлор оставил лишь небольшое облако пыли.

— Останови его! Перенеси немедленно!

— Приказываешь мне?

— Забочусь о принце!

— Наиграется малец и вернётся. Не один ведь

На этом проводник ушёл. Знал, что скажет, что найти принца просто-напросто не удалось из-за его любви к охоте. Получать подобные новости королю приходилось не впервые. И никого не удивило бы, что принц бы не вернулся домой к утру. Не боясь наказаний, юноша часто оставался в небольшой лесной хижине на ночь. Неудобств он не страшился. И никто бы не подумал неладного, если бы не чудо-

вишняя гроза за окном.

Никто не видел, как принц оторвался от друзей. Он мчался за белой ланью, чудом выманив её на чистое поле. Выставив перед собой арбалет, принц глубоко в душе знал, что промахнётся. Однако он думал, что случится это из-за того, что стреляет он со скачущей лошади, а не из-за того, что в эту самую лошадь вдруг ударит молния.

Белый свет перед глазами. Страшный крик — то ли себя, то ли сопровождающих. И не менее страшная боль, парализующая тело. Лань убежала, а тело юного принца осталось прямо под дымящейся лошадю, что не успела даже издать ни звука.

На следующие сутки обезглавленные тела Ариона и Ирата висели на стенах дворца. Вместе с учителем верховой езды и десятком слуг они были казнены на городской площади, однако тела остальных были скормлены псам. Лишь лордам Луфетри и Моргловеру после было разрешено забрать не уследивших за принцем сыновей.

Обвиняли всех в государственной измене, о случившемся с единственным принцем Семнотиса за пределами дворца никто не знал и мог лишь только догадываться. Приказ короля гласил, что даже если лишь одна сплетня покинет серокаменные стены, казнён будет любой, кто будет обвинён в распространении слухов.

Из тех, кто не сумел остановить принца от охоты, в живых осталось лишь двое.

Торн, о участии которого король даже не знал и не имел права наказывать, так как по его же личному приказу юноша даже не смел приближаться к принцу. А принц, может, в противном случае и прислушался бы к своему старому другу, если бы не обиды отца.

И проводник, который на этой же самой площади получил лишь тридцать ударов палками по спине и ногам. Первые в Семнотисе за всю историю его существования был публично наказан проводник.

В ночи к дворцу вновь подъехала карета. Однако на этот раз гость был незваный. Стражники, охранявшие ворота, увидели пред собой крайне высокую юную девушку с гладкой медовой кожей и большими раскосыми глазами. Волосы её были длинными и тёмными, с непривычным странным оттенком синевы.

Переглянувшись, стражники скрестили копья, но взгляды их оставались напуганными и растерянными.

— Одно лишь моё слово, и вас отправят на плаху, — спокойно произнесла принцесса Риверия. — Или же я закрою глаза на вашу дерзость и войду в замок без лишней крови. Отец будет очень недоволен, что я задерживаюсь...

Она встала к стражникам практически вплотную. И они, став свидетелями казни недельной давности, действительно поверили девушке, ведь и подумать не могли, что она осмелилась прибыть вопреки прежней воле короля.

Слуги удивлённо протирали глаза. Они не знали, какой выросла принцесса, но сразу узнавали её в высокой красавице, что смело ступала по тёмным коридорам дворца. И так же они не знали, как за двенадцать лет своего изгнания она не запуталась в бесконечных проходах и без всякой помощи нашла покои отца.

Иниг, стоявший подле широких дубовых дверей, не изменяя традиции вечера, не поверил своим глазам. Он не успел сказать ни слова, как Риверия, что была на голову выше, грубо толкнула очередного поражённого стражника плечом и без всяких трудностей отворила дверь.

— Не желаю видеть никого! Прочь!

Рабидус кричал прямо из постели, из которой не поднялся последние семь долгих дней.

— Казнить!

Риверия возвышалась над отцом, который даже не открывал глаз. Он лишь продолжал биться в агонии.

Когда гарды забежали в комнату, они остановились лишь из-за поднятой руки Инига. По взгляду проводника было видно, что вмешиваться никому не стоит.

Звонкая пощёчина прогремела в комнате. Король наконец открыл глаза, но в чувство его привёл только второй удар. Сердца каждого свидетеля этой сцены замерли. Никто не знал, чего ждать.

— Как посмела ты явиться?..

Риверия вновь ударила отца тыльной стороной ладони и

локтем прижала его к кровати, когда тот попытался встать.

— Как смеете вы лежать, пока люди твои гибнут?! Род Содрес изрезал половину Моргловеров в ночи за то, что их дочь вышла замуж не за их сына! Они и так пострадались. И вы лежите! Стране нужна твёрдая рука, а вы лежите!

Риверия отпустила отца и яростно взглянула на проводника:

— Ему доносили?

— Принцесса

— Я задала вопрос.

Иниг лишь незаметно кивнул.

— Гарды не смеют действовать без вашего приказа! Как смеете вы всё ещё лежать?!

— Мой сын... — взвыл король.

— Ваш сын ещё не мёртв. Он лишь почти мёртв. Разве это не так? — принцесса вновь взглянула на Инига, и тот опять кивнул. — Почему его до сих пор не отправили к эльфам? Почему проводник Семнотиса не принёс к нам могущих магов?

— Не смей! — закричал Рабидус.

— Хорошо. Тогда, папенька, у тебя остаюсь только я. Коль воля твоя такова, коль вы так надеетесь на своих лекарей, то пусть знают все, что Семнотис не остался без наследника. Велите мне готовить спальню.

— Не смей!

— Я обращалась не к вам, отец. Ведь мы оба с вами знаем,

что более не в ваших интересах гнать меня.

И только король вновь был готов закричать, как последняя фраза принцессы заставила его передумать:

— Представителю Верховного Совета это не понравится. Поднимайтесь, отец. И займите своё место.

Риверия покинула покои вместе с отправившимся вслед за ней Инигом. Проводник не мог поверить, что принцесса осмелилась на подобную дерзость. И пусть кроме её самой и короля никто не знал причину её изгнания, каждый понимал, что подобная выходка может стоить ей жизни.

— Надеюсь, меня поселят не в гостевом крыле?

— Принцесса...

— Говорите прямо, Иниг.

— Откуда вы узнали?

— О том, что мой изломанный брат до сих пор остаётся жив лишь благодаря Создательнице? И он внутри истекает кровью, пока местные лекари сами молятся о появлении магов-целителей? Ведь они знают, что сами отправятся не в лучший мир, если Каэлор умрёт. Ох, Иниг, такое бы не ушло от меня. Завтра вы доставите магов, окончивших Академию Леквилл. Лучших, кто обучался медицине.

— Но король...

— Подмешайте ему сонный порошок. Тогда он никого не изгонит. Если боитесь, это сделаю я.

В тот миг Иниг понял, что отец его был прав. Остаться в Семнотисе их роду было больше нельзя.

Глава 5. Амбистома

Роза с наслаждением смотрела, как округляются глаза Инига при виде выставленных во дворе сундуков. Было очевидно, что такого обилия вещей не имел даже сам королевский проводник.

Прощание с королевской семьей прошло без лишних эмоций. Эльфам куда проще было принять тот факт, что потенциальный муж Розы уже был им знаком. И пусть Лиганс видел, что Иниг совершенно не так прост, как кажется, он хотя бы знал, за кем ему стоит наблюдать.

Роза договорилась с Инигом, что невзирая на то, что они должны сразу отправиться в главный дворец Семнотиса, позднее, как только проводник наберется сил, он перенаправит её домой хотя бы на несколько часов. Не один год она желала узнать, изменились ли стены её родового поместья.

Один портал был для вещей. Он появился прямо под сундуками, и те сразу провалились в сияющую голубую субстанцию. Затем, как только погас первый, возник второй. В последний миг повиснув на шее принца Лиганса, а затем более спокойно обнявшись с королевой Эонией, Роза жалела лишь о том, что в этот миг с ними не присутствовал король. Он тоже сделал для неё немало.

Взяв Инига под руку, Роза вновь задержала дыхание. На сей раз перемещение далось несколько проще — не столь

холодно и удушающе. Может, она и вовсе однажды привыкнет к порталам настолько, что совсем перестанет их чувствовать?

Любопытных и непонимающих взглядов оказалось куда больше, чем ожидалось. Служащие дворца и прибывающие гости совершенно не могли взять в толк, по какой такой причине королевский проводник сопровождал девушку из рода Арьянов. Но Роза старалась делать вид, что косых взглядов и перешептываний совершенно не замечает.

— Мария! — окликнул проводник одну из служанок. — Помоги леди Розелле. Его Величество в курсе.

— Ох!.. Леди, — приветственно поклонилась девушка, а затем взглянула на проводника. Было очевидно, что удивление вызвала не столько сама Роза, сколько обилие тяжелых узорчатых железных сундуков. И Роза была крайне рада тому, что непривычное обилие одежды заберет часть внимания от её легкого акцента, из-за которого её некогда привычная семнотинская речь стала слишком плавной. — Как мне известно, комната была приготовлена ещё вчера. Я обо всём позабочусь.

Мария была худой и ростом вышла немногим выше Розы. Её прямые темно-русые волосы были собраны в гладкий низкий пучок, обрамлявший вытянутое лицо. Носик девушки был немного вздернут, а небольшие серые глаза излучали собранность и спокойствие.

Боле не говоря ни слова, Иниг ушел. Роза, чья уверен-

ность грозилась помчаться вслед за ним, постаралась улыбнуться. Она совершенно не знала, как себя вести, и молила Создательницу о том, чтобы рядом появился брат, который непременно спасет её от столь непривычного волнения.

— Так, выходит, я буду жить в гостевом крыле?

— Нет, ваша комната находится этажом выше.

Роза знала, что подобное точно не останется без внимания прибывающих ко двору леди (про причину их появления подробно истолковал Иниг ещё утром). И она искренне не понимала, почему ей не нашлось место в гостевом крыле подле остальных. Ведь если они с Инигом поженятся, её вновь переселят в другие покои, и раз на данный момент официально она лишь гостя дворца, почему для неё вдруг сделали исключение из правил?

— А мой брат?..

— Леди, не беспокойтесь. Для начала велим перенести ваши вещи.

— И тем не менее, вам известно, где он?

— Боюсь, нет.

Роза опечаленно вздохнула:

— Хотя бы мои вещи поместятся в спальне?

Служанка замолчала, поджав губы, а затем неуверенно произнесла:

— Мы сможем убрать пустые сундуки в кладовую Роза нервно улыбнулась.

Если дворец Драйдариса всем видом говорил о том, что

главное в его стенах — искусство, то этот дворец ассоциировался со словом «укрытие». Не было ни колонн, ни статуй, ни даже плюща — лишь крепкий камень, спасающий от ветра.

Так же главный дворец Семнотиса впечатлял не только шириной, но и обилием окон, что говорило о огромном количестве комнат.

На лестнице её внимание привлекла невысокая светловолосая девушка, одетая в бархатное черное платье. Глаза её, явно пребывавшие на мокром месте не один день, взглянули на Розу недобрым огнем. Ладонь блондинки так крепко обхватила перила, что у неё побледнели костяшки. Другая девушка, стоявшая рядом и одетая в голубое, что-то быстро шепнула подруге на ухо. В этот момент Роза позавидовала эльфийскому слуху.

— Кто они? — спросила Роза, когда они с Марией приблизились к двери её комнаты.

— В черном — леди Аннет Луфетри, её брат недавно был казнен. И её подруга Амелестия Сайнор. Обе прибыли на празднования в честь Великой Эйрин.

Родовое имя первой девушки болезненной резануло слух. Ведь именно Луфетри владели «Шиповой долиной», которая так часто зывала к Розе во снах.

— И сколько девушек успел принять дворец?

— На данный момент двадцать две, но комнаты готовы для тридцати. Остальные будут прибывать на сами праздни-

вания в порядке, который определит их глава рода.

— И делали для кого-то подобные мне исключения?

Служанка многозначительно замялась, подбирая слова:

— О подобном мне не известно. Но на всё воля нашего короля.

Через некоторое время Розелла оказалась в не слишком просторной, но крайне светлой комнате. Понять, по нраву ли она пришлась девушке, было крайне трудно. Она привыкла, что мебель вокруг неё большая и крепкая, что на кровати можно нескончаемо ворочаться, совершенно не боясь упасть, что в шкафу, предварительно устлав дно подушками, можно спать в полный рост, и что, сидя на стуле, у неё всегда болтались ноги. Схожим было лишь широкое окно по центру стены.

Присев на одноместную кровать, Роза принялась рассматривать витиеватые узоры, нарисованные поверх бежевых кирпичных стен. Простыни под подушечками пальцев были непривычно жесткими, но почему-то знакомо родными.

— Как подобает, вам должны приставить двух служанок. Три, если наставница сочтет уместным.

— У меня нет наставницы.

Мария постаралась не показывать удивления:

— Значит, на сей час приставят двух. Так как мы не знали, когда вас встречать, никто ещё не был выбран. Но если вам угодно, я могу предложить свою кандидатуру.

— Тебе известно, почему меня перенес проводник? —

вдруг спросила Роза.

— Нет, леди. Предположу, что ваш отец щедро оплатил его услуги.

— Тогда я повторю свой другой вопрос, Мария. Для кого делали подобные исключения? Я говорю не только о гостях, прибывших на пиры.

— Для важных послов, леди. Для крайне могущественных родов, пожалуй... — Мария понизила голос. — И, возможно, для тех, кто вызывает особый интерес.

— Какова степень этого интереса?

— Между озолочением и плахой, леди. Всё зависит от намерений гостя, прибывшего издалека.

Роза кивнула:

— Я буду рада видеть тебя подле себя.

Мягко поклонившись, Мария покинула комнату. И Роза, выждав всего несколько секунд, подбежала к окну. Надежды узреть родную красную макушку были разбиты о высокие деревья, закрывающие половину обзора. Девушке не оставалось ничего, как тут же покинуть комнату. И бежала она настолько быстро, что чуть не сбила с ног одного из слуг, что нес сундук с её одеждой. Извинившись, Роза завернула за угол и огляделась по сторонам, пытаясь вспомнить нужное для выхода из дворца направление. Точно сам их род шептал на ухо, что во дворце брата она не найдет.

Роза вновь увидела Аннет Луфетри и Амелестию Сайнор, всё на той же лестнице: девушки спорили, какое число сун-

дуков уже успели пронести, и негодовали, что даже у недавно прибывшей принцессы одежды было куда меньше. Подобные перешептывания почему-то вызвали у Розы улыбку, и она хотела воскликнуть, что жалеет лишь о том, что не смогла взять с собой лошадь, но решила оставить знакомство на другой раз и начать его совсем не с колкости.

Лишь третий по счету слуга, явно смутившийся напору Розеллы, сообщил, что видел Торна на тренировочном поле, и подробно разъяснил, где оно находится.

Даже поднявшийся, совершенно чужеродный для Розеллы холодный ветер не мог её остановить. Легкая ткань дребезжала под ледяными порывами, пальцы на ногах окаменели, но она не могла повернуть назад. Вдалеке виднелся родной силуэт.

Торн стоял в стороне от прочих мужчин. По какой-то причине он был единственным, кто стрелял из лука. И настолько он был сосредоточен, что сначала даже не обратил внимания на то, как его окликнули. А во второй раз, услышав уже совершенно незнакомый ему голос, он не мог поверить, что, обернувшись, увидит её...

В глубине души девушка знала, что заходит на непозволительную для неё территорию, но ничего поделать с собой не могла. Никто не смел кричать ей вслед, никто не смел останавливать — родовое отличие Арьянов давало каждому присутствующему мужчине понять, какая картина предстала перед их глазами.

Брат с сестрой чуть не сбили друг друга с ног, и долгожданные объятия были настолько крепки, что обоим не хватало дыхания.

Торн не мог поверить, точно ли перед ним не стоит одна из его кузин, но знал, что эту девушку видел будто в первый раз.

Последний раз он помнил Розу маленьким напуганным ребенком, а сейчас даже черты её лица, которые он старательно пытался не забывать благодаря семейному портрету, изменились до неузнаваемости. Больше не было пухленьких детских щек и вечно опущенных напуганных глаз. Ростом она выросла, пусть и не сильно, тело, подобно лицу, стало взрослым, и лишь только волосы убедили Торна, что в своих объятиях он действительно держал сестру.

— Откуда ты... — не веря, говорил он. — Почему не сообщила? За что так со мной?

— Так отец не говорил? Он послал Сумрака. Но я бы не успела написать, прибыла с проводником.

Не ожидавший услышать подобного, Торн свел брови к переносице. Он знал, что в Драйдарисе больше нет проводника, поэтому прекрасно понимал, о ком шла речь.

— Это всё пустое, — проговорила Роза с широкой улыбкой. — Как же ты возмужал! Она легко стукнула брата по плечу.

— Но ты ведь не думала, что у меня до сих пор юношеский голос?

— Когда читала твои письма, в голове звучал именно он.

Вернув на место брошенный ранее в сторону лук, Торн поспешил увести сестру с тренировочной площадки. И только молодой человек сообщил сестре, что знает место, где они могут обсудить совершенно всё скопившееся без утайки, дорогу им преградил один из слуг. Тот сообщил, что Розу желает видеть король.

Девушка, привыкшая к обществу королевских особ, не сразу поняла, почему на лице брата разыграл ужас. Торн почему-то взял на себя смелость самостоятельно сообщить, что Розе нездоровится после перемещения, и слуга, явно понимающий причины его беспокойства, лишь вежливо отметил, что ждать король не желает.

— Будь спокойной, – умолял Торн, когда они шли по дворцовым коридорам.

— Я куда спокойнее тебя. Скрывать мне нечего, подобно самому Драйдарису.

— Его волнует не это. Меня здесь не жалуют.

Подобное крайне удивило девушку. Не так давно из писем самого Торна и со слов Эрнеста Джифольди она невольно сделала вывод, что брат занимает весьма почетное место при дворе. Но чем больше перешептываний она слышала, чем больше видела отводившихся взглядов, тем яснее понимала, что по какой-то неведомой причине ситуация переменилась. Тогда неведомые до сего часа зачатки страха перед короной сообщили, что нужно быть как никогда осторожной.

Пожалуй, за всю свою жизнь Роза не кланялась так низко. Ещё немного — она бы и вовсе села на пол, что делали некоторые подданные до того, как в зале громко объявили её имя. Она не желала выделяться среди остальных, и готова была поколотить себя, если на лице появится хотя бы тень неуместной нервной улыбки.

Рабидус сделал ленивый взмах рукой, и присутствующие (коих было немало) тут же выпрямились. При этом некоторые всё равно продолжали смотреть в пол, будто их глаза каким-то образом могли накликать на них беду.

Рабидус сошел с трона, спустился с небольшой мраморной лестницы, устланной белым ковром с золотыми узорами, завел руки за спину и стал кружить вокруг Розеллы, точно завидевшая червячка голодная амбистома с его родовой книги.

Рядом с пустующим тронном стоял Иниг, и взгляд его был совершенно не читаем. На молодом проводнике вновь был плотный кафтан, который отчаянно пытался заставить Розеллу забыть вид эльфийской туники на его теле. Девушка смотрела на того, с кем будто никогда не разговаривала в саду, чьего голоса совершенно не знала, как и того, что этот неприступный незнакомец должен стать её мужем.

— Надеюсь, мои дорогие Драйды пребывают в добром здравии?

— Они подобны нерушимым горам великой Каменной долины. Уверена, Создательница подарит им ещё много лет чу-

десного правления.

Ответ явно пришел королю не по душе. Неужели он подумал, что Роза смеется над ним, подчеркивая скоротечность людской жизни? Иначе девушка не могла понять, почему взгляд его действительно стал вдруг хищным. Или дело было в её акценте?

— Что говорили они о нас? Как отпускали тебя?

— Они не знали, что я удостоюсь чести стоять перед вами, ваше Величество. В этом случае они были бы не столь опечалены.

— Выходит, служила ты им верой и правдой?

— Со всем обязывающим меня уважением, ваше Величество. Но сердце моё всегда принадлежало Семнотису.

Роза надеялась, что великая Создательница не обратит на неё свой гнев из-за столь отчаянного лукавства, которое, к слову, явно пришлось королю по душе.

— Род Семов это ценит, — ответил король. Махнув рукой, он явно желал, чтобы Роза покинула центр залы, однако нашлась та, кто хотела знать больше.

— Род отбирал у вас все деньги, раз не позволил носить хотя бы одну пару серёг? — неожиданно спросила высокая девушка, стоявшая подле Инига. И если раньше Роза была так взволнована, что старалась не разглядывать незнакомых ей людей, сейчас центром её внимания стала молодая высокая незнакомка. Залу заполонил удивленный шепот, и, казалось, даже король не ожидал услышать чей-то голос кроме своего.

Принцесса Риверия немного вышла вперед. Роза оказалась совершенно неправа — главным хищником был совершенно не король.

— Ведь уши ваши не проколоты, — пояснила Риверия, когда ответом была лишь тишина. — Или причина была другая?

Арьян чувствовала, что впервые все взгляды были устремлены на неё. Теперь она не знала, правильно ли поступила, что сняла все украшения, кроме одного лишь кольца.

— Я не смела смущать эльфов своим видом. Причина лишь в этом.

— Мясо, так полагаю, тоже смущало Драйдов?

— Мне было позволено есть рыбу.

— И вы ели рыбу?

Отсутствие сию же секундного ответа (или готовившейся Розеллой лжи) оказалось единственным, что было так необходимо принцессе.

— Выходит, границы вашего уважения оказались омрачены чужой культурой. Не видь я кончиков твоих ушей, то непременно бы попросила их показать... Так точно ли Семнотис всегда был в вашем сердце?

— Однажды я, заблудившись в людском квартале, купила жареного на вертеле цыпленка.

— И вы съели его?

— И после облизала пальцы.

Не успели окружающие отреагировать на подобные сло-

ва, как залу заполонил довольный девичий смех. Впервые взгляд принцессы смягчился, и она, подойдя к Розелле вплотную, произнесла:

— Мы сохраним эту тайну, леди. Можете ступать.

И Роза, чувствуя, что хочет утопиться в бочке, действительно поспешила уйти.

Она не знала, отправился ли вслед за ней Торн, стоявший всё это время в зале позади неё, но точно была уверена, что Иниг не сдвинулся с места ни на шаг. Сейчас проводник был точно не тем существом, которое бы поспешило её успокоить и хотя бы солгать, что диалог с королем и принцессой был не таким позором, каким она его считала.

— *Тебе так одиноко...*

Голос, раздавшийся точно над самым ухом, заставил Розу резко остановиться и оглянуться. Голос этот был настолько подавленным и бесконечно грустным, что тут же заставил девушку позабыть о существовании прочих эмоций.

Сначала она подумала на единственного находившегося в коридоре стражника, но тот стоял слишком далеко.

— *Одна... Нигде нет места тебе...*

Закрыв рот ладонью, девушка уперлась спиной в стену, что не ушло от внимания стражника.

— Леди?

Взглядом, полным слез, Роза взглянула на взволнованного мужчину, понимая, что тихий голос был лишь у неё в голове.

Иниг знал, что Роза спряталась в спальне и даже отказалась от обеда и ужина. Также он знал, что она не пустила ни брата, ни служанку и не забрала оставленный под дверью поднос с отправленным принцессой жареным цыпленком. Также он думал, что они оба с Розой знают, что после случившегося он не приходил к её покоям, дабы сказать хотя бы пару успокаивающих душу слов. Однако об этом было известно лишь ему, ведь на деле комната девушки пустовала уже несколько часов.

Чтобы успокоить кого-то, Инигу нужно было быть спокойным самому. А быть таким оказалось совершенно невозможно, когда чудовищные крики принца ранили слух.

Проводник находился в покоях Каэлора вместе с принцессой и королем, когда доставленные этим днем во дворец маги пытались не позволить юноше отправиться в объятия Тенты.

— Ему ведь дали снадобье! Так почему он так мучается?! — кричал король.

— Он чувствует, как начинают срастаться его кости и мышцы после проведенной операции, ваше Величество, — ответил один из прибывших лекарей, Дэлио. — Не дай мы ему снадобье из белого мака, юный принц бы и вовсе не перенес подобное вмешательство. Полностью убрать боль мы не можем.

Это был молодой человек, превосходивший ростом даже принцессу Риверию. Его длинные белые волосы точно светились в полутьме. Скулы Дэлио были острые, аристокра-

тичные, нос прямой, а красноватые губы отчетливо выделялись на фоне безжизненного лица. Куда больше Инига пугали его глаза — слишком светлые, точно принадлежавшие кукле. При этом проводник видел, что молодой лекарь привлек внимание далеко не одной девушки дворца.

Ожидая, что короля совершенно не устроит подобное заявление, Иниг был крайне удивлен, когда Рабидус лишь кивнул.

— Не жди вы так долго, восстановление проходило бы гораздо быстрее. Сейчас нам крайне сложно сказать, будет ли принц ходить, — сказал другой лекарь.

— Если хотите уйти отсюда живыми, он будет бежать! — закричал король, на что принцесса резко отвела его в сторону.

Отец с дочерью перешли на шепот, но проводник давно прознал, что одним из способов выживания в этом дворце было имение превосходного слуха.

— Это всё ты! — шипел Рабидус. — Я говорил, что нельзя их пускать. Гнать их вместе с тобой...

— Будете так себя вести, они действительно покинут нас.

— Пусть так! Хотят сделать моего сына бесплодным. Как твоя мать меня!

Последними обвинениями король разбрасывался не часто, но многие во дворце считали, что покойная вторая жена Рабидуса отравила его перед своей казнью, ведь последующие семь жен короля (и немислимое число любовниц) так и

не смогли подарить ему дитя.

Риверия зашипела подобно отцу:

— На сей раз бесплодным его сделали вы! Молитесь вместе со мной, чтобы хотя бы его разум остался чист. Можете натравить на меня армию, но я буду оставаться здесь до тех пор, пока буду уверена, что ваша больная голова не сведет моего брата в могилу. И эти лекари будут здесь столько, сколько я скажу.

— Сколько скажу я.

Взглянув на Дэлио, Иниг понял, что тот тоже прекрасно слышал этот разговор — он всегда понимал это по выражению лица. И Дэлио, тут же взглянув на проводника, мало заметно ухмыльнулся, показывая, что тот совершенно прав.

Глава 6. Дэлио

Роза знала, что рано или поздно стены дворца оставят её без дыхания, но не могла позволить случиться подобному этим вечером. Но также она и не могла уйти далеко, ведь столь поздним часом её бы вряд ли выпустили за пределы ворот. Поэтому решение нашлось само собой: наблюдая час за входом в сад, она заметила, что туда вошли лишь две новоприбывшие ко двору девушки. Это значило, что местные жители не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.